

МАРИНА И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

Слово Оберона

Ключ от королевства

Марина и Сергей Дяченко

Слово Оберона

«Автор»

2005

Дяченко М.

Слово Оберона / М. Дяченко — «Автор», 2005 — (Ключ от королевства)

Обещания надо выполнять, даже если это невозможно. Тем более обещания королевские, ведь от их исполнения зависит судьба целой страны. И опять ученица средней школы, тринадцатилетняя Лена Лапина, берет в руки проверенный посох Мага дороги и отправляется в путь – за страшную Ведьмину Печать. А что делать? Человек ведь отвечает не только за себя, но и за тех, кого любит. Новое произведение Марины и Сергея Дяченко – продолжение книги «Ключ от королевства», хотя и вполне самостоятельное. Читателя ждут невероятные приключения, живые краски необычного мира – чтение, от которого не сможет оторваться ни ребенок, ни взрослый.

© Дяченко М., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Марина и Сергей Дяченко

Слово Оберона

* * *

Глава 1

Возвращение старого друга

Был апрель, снег сошел, и пробилась первая травка, а главное – яблони изготовились цвести.

Очень люблю это время. В воздухе висит еще не праздник, но предвкушение праздника. Почки у каштанов большие, будто лапы у щенят. Утром светлеет все раньше. И в классе приходится задерживать шторы, потому что солнце бьет и палит, и какой же дурак в такую погоду станет думать об уроках!

И вот мы шли из школы – я, моя подруга Ритка и Макс Овчинин из параллельного класса. Макс у нас на самом деле было не по пути, но он придумал, что ему надо на почту. Ему каждый день чего-нибудь надо – то на почту, то в мини-маркет, то к приятелю зайти, лишь бы не домой, а вместе с нами. Он высоченный, в седьмом классе – метр семьдесят. Ритка ему по плечо. А я, хоть и выросла за полгода на восемь сантиметров, все равно в этой компании самая маленькая.

– Ленка, хочешь, твой рюкзак понесу?

– Я что, слабосильная?

Ни Макс, ни Ритка не знали обо мне всей правды. Никто на свете не знал, даже мама. И я, честно говоря, сама иногда сомневалась: а случилось ли это взаправду? Была ли я магом дороги, воином странствующего Королевства и другом короля Оберона? Носила ли посох с изумрудно-рубиновым навершием?

– Ты чего улыбаешься? – с подозрением спросила Ритка.

– Ничего, – я потеряла кончик носа. – Просто погода хорошая.

Погода в самом деле была потрясающая: солнце шпарило, небо сверкало, а воробьи чирикали и купались в лужах. Весь мир вокруг был похож на мое Королевство. В такие дни хорошо мечтается – о лете, о море и о том, что Оберон когда-нибудь придет за мной, куда-то позовет, и еще хватит на мою долю волшебных сражений и походов...

Я ведь каждый день ждала, что он придет. Если у нас во дворе кто-то сидел на лавочке, я всякий раз еще издали начинала присматриваться. Сердце подпрыгивало: Оберон? Нет...

Три с половиной месяца я его не видела. С того самого дня, как он пришел к нам на родительское собрание. С того самого дня, как наша классная перестала ко мне придирааться. Вот не знаю, Оберон ее заколдовал, что ли?

– Ну, пока, – сказала Ритка на углу у мини-маркета. – Овчинин, если тебе на почту – пошли.

Макс замялся:

– Иди сама. Я догоню.

Ритка хмыкнула, забросила рюкзак повыше на плечо и пошла домой. А Макс остался.

– К себе не позову, – сказала я деловито. – У нас не прибрано. И вообще... Шел бы ты, Макс, уроки делать.

Он покраснел и улыбнулся:

– А я завтра в школу не иду. У меня олимпиада по математике.

– Везет, – сказала я с сожалением. – Ну что тут стоять, давай хоть во двор зайдем, что ли...

И мы вошли во двор.

На скамейке напротив моего подъезда сидел плечистый мужчина в светлой ветровке. Не Оберон. Я еще издали это поняла: Оберону лет сорок, а этому чуть больше двадцатника. У Оберона волосы с проседью, а этот чернявый. Не Оберон. Ну и ладно.

Я сказала себе «ладно», но настроение вдруг испортилось. Как будто шарик проткнули иголкой: хлоп! А вдруг король никогда-никогда за мной не придет? Жди, Лена, год, и два, и десять...

– Ты чего? – спросил Макс.

– Ничего. Тебе какое дело?

Макс опустил уголки губ:

– Во как у тебя настроение меняется... Только что цвела, а теперь на людей кидаешься. Ни с того ни с сего. Я тебе виноват?

– Не виноват, – сказала я нехотя. – Ладно, Макс, ты меня в самом деле, это... прости. За малыми надо в садик, уроки, все такое...

– Понимаю, – сказал Макс и понурился. – Ну пока?

И я уже шагнула к своему подъезду, как вдруг...

– Лена!

Мурашки по коже. Как горячая вода от затылка до пяток. Я обернулась...

Нет, это был не Оберон. Я вообще его не знала, этого человека. Разве что...

Я присмотрелась еще. Не поверила глазам: он был похож на старшего брата одного моего друга.

Он встал мне навстречу:

– Ты что, меня не узнаешь?

И голос ведь его!

– Гарольд? – сказала я потрясенно.

Он виновато улыбнулся:

– Гарольд!

Уж не знаю, что подумал обо мне Макс Овчинин, который еще не ушел и стал свидетелем этой сцены. Я взвизгнула, прыгнула и повисла на шее у незнакомого мужчины – потому что теперь узнала его совершенно точно. Пусть он изменился за прошедшие четыре месяца – но это был Гарольд, мой друг и учитель, бывший младший маг дороги, а теперь, наверное, уже старший маг...

– Гарольд... это точно ты?

Он мог бы не отвечать. За время, которое мы провели в седле бок о бок, я успела изучить все его выражения лица.

– Ленка... а ты такая же.

– Вот еще, – я отстранилась. – Я выросла на восемь сантиметров, между прочим, это... погоди, Гарольд. Погоди...

Догадка была такая страшная, что у меня онемели щеки.

– Гарольд! Сколько лет прошло в Королевстве?!

Он опустил глаза:

– Шесть...

– Сколько?!

Все понятно. Когда мы расставались, Гарольду было семнадцать, и я считала его старшим братом. А теперь ему, выходит...

Но дело ведь не только в этом!

– Гарольд! Его величество...

Он понял с полуслова и поспешил меня успокоить:

– Здоров. Не пугайся.

– А принцессы? Принцессы, то есть сестры-хранительницы! Вышли замуж?

– Нет.

Я села на скамейку. Гарольд уселся рядом. Макс Овчинин стоял в десяти шагах и смотрел обалдело, но мне сейчас было не до Макса.

Однажды, спасая Королевство от гибели, король Оберон дал обещание – каждая из пяти принцесс, бывших невест его сына, получит по принцу в мужья, и случится это раньше, чем на висках у любой из них пробьется первый седой волосок. Залогом обещания стала жизнь короля. Когда я покидала Королевство, принцессы и не думали сесть – они ведь были всего на пару-тройку лет старше меня. И вот: у нас прошло почти четыре месяца, а у них, оказывается, пролетело шесть лет!

– Почему вы не сказали мне, что в Королевстве время идет быстрее?!

– Я сам не знал, – сказал Гарольд с досадой. – Наше Королевство – молодое, понимаешь? Оно только что обосновалось на новом месте, только пустилось в рост, вот и время... ты никогда не замечала, как оно летит, если делаешь что-то интересное?

Я разглядывала его со странным чувством. Все-таки он был слишком взрослый. И одет не похоже: клетчатая рубашка навыпуск, светлая ветровка, не очень чистая, джинсы, растоптанные кроссовки... Я-то привыкла видеть его в дорожном облачении мага!

– Значит, время летит, – я закусила губу. – И что же, король до сих пор нашел ни одного принца?

Гарольд опустил голову:

– Он искал. Но ведь у него нет ни минуты свободной. Там дракон повадился посеивать жечь. Там пираты напали на побережье. Там купцы завышают цены... Он, конечно, посылал гонцов туда и сюда, но все возвращались с пустыми руками.

– Что, совсем-совсем нету принцев?!

– Паниковать пока что рано, – сказал Гарольд без особой уверенности. – Знаешь... пойдём-ка в лес или еще куда-то. Тут воняет так...

Я потянула носом, но ничего не почувствовала.

– Откуда воняет?

– С улицы. От этих, которые ездят.

– А-а, выхлопные газы... Пойдем ко мне домой. Я форточку закрою.

– Нет, – Гарольд решительно покачал головой. – Мне такой дом не нравится, извини. Тут есть поблизости деревья.

– Парк?

– Ну да. Пойдем. Погода хорошая.

– Ладно, – я снова забросила рюкзак на плечо. – Пошли.

На выходе со двора меня догнал Макс.

– Лена, можно тебя на минуточку? – спросил странным напряженным голосом.

Я отошла:

– Чего тебе?

Макс нервничал:

– Кто это?

– Мой друг.

– Куда ты с ним идешь?

– А тебе какое дело?

– Лена! Ты посмотри на него! У него же такое лицо... будто он убийца! Это взрослый мужик, зачем ты ему нужна?!

Я прищурилась:

– Ты меня воспитывать, что ли, будешь?

– Ты с ума сошла, – сказал Макс жалобно. – Откуда ты его знаешь?

– Я с ним сражалась бок о бок, – сказала я сухо. – Он мне жизнь спасал. А я – ему. Его зовут Гарольд, и он такое видел, от чего ты в штаны наложил бы моментально. И если ты кому-то скажешь, что я с ним пошла – можешь заранее справлять поминки, он тебе голову отрежет... Понял?

Я ушла, а Макс остался стоять. Я подумала мельком: может, зря я так? Может, это слишком?

Но Гарольд шагал рядом, с неприязнью косился на проносящиеся по улице машины, и мысли мои переключились на другое.

* * *

– Ну расскажи скорее, как там все? Как наши?

Я называла жителей Королевства «наши» совершенно естественно и по праву. Потому что еще недавно я, будучи магом дороги, защищала их, помогала в переделках, лечила, делилась своей силой и даже однажды сварила кашу в большом котле. Правда, каша чуть-чуть подгорела. Гарольд улыбнулся:

– Ты сейчас Королевство не узнаешь. Народу понаехало – тысячи! Город, лавки, мастерские, даже цирк свой на окраине есть. Циркачи не хотят уезжать – у вас, говорят, весело, люди щедрые и умеют удивляться...

Я вспомнила, что говорил мне когда-то Оберон. Там, где люди умеют удивляться, есть место для волшебства. Там процветает тонкий мир – волшебная оболочка неволшебных предметов.

– Принцессам построили храм Обещания. Туда люди толпами валят – поглядеть. Принцессы танцуют, поют, изучают науки. И каждое утро начинают у зеркала – смотрят, не пробился ли у кого первый седой волос?

– Да сколько же им лет? – спросила я неуверенно. – Слегка за двадцать?

– Ну и что? Один волос может просто случайно вырасти. Она мышь, к примеру, увидит, испугается – волосок и поседеет...

Гарольд говорил, сдвинув брови и глядя перед собой. Мы сидели на скамейке в маленьком пыльном парке. В грязном озерце толпились утки – требовали хлеба. У меня где-то остались в рюкзаке остатки бутерброда, но вещи, которые сообщил мне Гарольд, были слишком серьезными.

– Слушай, – спросила я неуверенно, – а... за кого-нибудь другого их можно выдать замуж? Чтобы не за принца, а просто так?

– Женихи толпами валят, – Гарольд смотрел на уток. – И наши, и чужеземные. Моряки, купцы, рыцари. Приходят в храм, вроде бы просто в гости, и начинают хвосты распускать. Один капитан бросил свое судно, бросил команду, переселился к нам. Так влюбился в Ортензию – не уеду, говорит, без нее. Ты думаешь, она на него хоть раз взглянула? У них разговор простой: принц? Нет. Ах, нет? До свиданья!

– Вот дуры! – сказала я в сердцах. – Что им принцы? Чем принцы лучше других? Взять хотя бы нашего... Как они там живут, кстати, принц Александр с принцессой Эльвирой?

Гарольд пожал плечами:

– Как ожидалось, так и живут. Она на нем только что верхом не ездит. Дети у них – уже трое...

– Да?

– Конечно. Вообще, многие переженились за это время, много детей народилось.

– А... – Я запнулась, покосилась на Гарольда. – Слушай... А ты не женился?

Он опустил глаза. Щеки его чуть порозовели:

– Женился. Сын у меня. Полтора годика.

– А-а-а, – сказала я тихо.

Ну представьте: вот вы не видите человека четыре месяца. Вы привыкли, что он вам вроде как старший брат. И... не совсем брат. Друг, в общем. И вот вы узнаете, что он женат, оказывается, что у него ребенок подрастает, а вы в это время все учитесь, учитесь в своей школе...

Во-первых, у них шесть лет прошло.

А во-вторых, разве нас с Гарольдом что-то связывало, кроме боевой дружбы?

– Поздравляю, – выдавила я, стараясь, чтобы голос звучал весело. – А на ком ты женился?

– Из новеньких, – Гарольд смотрел мимо. – Ты ее не знаешь.

Ну и глупый у меня, наверное, вид...

– Ладно, – сказала я, стараясь замять неловкость. – Как же тебе удалось перейти из мира в мир? Я раньше думала, что только Оберон...

– С трудом, – признался Гарольд. – Его величество говорит – только в свой мир возвращаться легко... Он меня все учит и учит. То – «Гарольд, встречай послов». То – «Гарольд, поезжай на острова усмирять людоедов». То – «Гарольд, отрабатывай переходы»... Я ночами не сплю, своего ребенка месяцами не вижу. Ты знаешь, – Гарольд понизил голос, хотя подслушивать нас было некому. – Мне кажется, он готовит меня себе в приемники.

– Как?!

– Да вот так.

– А принц Александр?

Гарольд вздохнул:

– Его всерьез никто не принимает. Даже если бы не было того случая с предательством... Ну какой он король? Подловил меня недавно в лесу... я, говорит, никаких прав на корону не имею и притязаний заявлять не буду. Мы, мол, с тобой друзья и останемся друзьями... и помни об этом, будущий король Гарольд... Тьфу! – мой друг так саданул кулаком по скамейке, что утки испуганно разлетелись. – Ты понимаешь, он уже сейчас видит Оберона мертвым. Боится со мной ссориться, планирует себе спокойное будущее... ну какая он скотина!

– А король? – спросила я упавшим голосом.

– С ним нельзя ни о чем таком говорить. Понимаешь? Он тоже вбил себе в голову, что доживает последние годы, чуть ли не последние дни. Когда у кого-то из принцесс пробьется первый седой волосок...

– Перестань!

– Вот и он тоже. «Перестань, Гарольд, нам надо думать о налогах», «Перестань, Гарольд, нам надо думать о драконах», «Перестань, нам надо думать о людоедах»...

– Людоеды-то откуда взялись?

– А откуда они обычно берутся? Живут себе на островах, проходящие суда топят... У нас уже три их племенных вождя в темнице сидят, а им хоть бы что... «Перестань, Гарольд, я хочу оставить тебе и людям как можно меньше проблем...»

Гарольд вдруг закрыл лицо руками. Это было странно, потому что я знала его – он всегда был мужественный. А теперь он был еще и взрослый – совсем взрослый, недосягаемо...

– Ну ты что? – спросила я испуганно.

– Ничего, – он глядел сквозь пальцы на осмелевших уток. – Мне Оберон как отец. Знаю, что и тебе тоже.

Я вспомнила, как Оберон появился на родительском собрании. Как с шапки, которую он держал в руках, падали талые капельки – бывшие снежинки.

– Что же нам делать, Гарольд?

– Я отдохну, – сказал он глухо. – Хотя немного посижу спокойно. Пока я здесь, там время замерло. Все застыло. И принцессы не смотрятся в зеркало, и королю не угрожает опасность... А я так устал.

По дорожке мимо нас прошли молодая мама с ребенком. Женщина катила коляску. Малыш – пластмассовую гусеницу на колесиках.

– Гарольд, – сказала я твердо. – Если в вашем мире так много принцесс – почему проблемы с принцами? А?

– Объясняю, – в голосе Гарольда мне вдруг послышались интонации Оберона. – Принцессой считается всякая девушка, явившаяся в Королевство на рассвете босиком и предъявившая грамоту, что ее отец – правитель далеких земель. Таких «правителей» могут быть десятки, потому что карликовые королевства, ни на что не годные, рождаются, как брызги, и так же исчезают... А девочки хотят принца. А Королевство по закону должно их принять.

– Дурацкий закон.

Гарольд вскинул брови:

– Это закон нашего мира. Может, тебе не нравится, что дождь мокрый, а снег холодный?

– Очень нравится, – сказала я примирительно. – Прекрасный закон... Гарольд, а где есть принцы? Где их можно искать?

– Король знает. Но не говорит. Мне, во всяком случае.

– Почему?

– Потому что: «Мы должны думать о нашем народе! Мы должны думать о будущем! Я не могу рисковать тобой, своим единственным магом!»

– Значит, это опасно, – сказала я упавшим голосом.

– Лена, – Гарольд уперся ладонями в колени. – Я пришел за тобой, потому что... Ну поговори ты с ним, а? Может, тебе его удастся уломать?

– Мне? Оберона? – спросила я с сомнением. И тут же спохватилась: – Я хочу в Королевство, Гарольд! Я так соскучилась! Я хочу все увидеть... Ты ведь сможешь меня перевести, да?

Глава 2

Снова в королевстве

Замок стоял среди сосен. Лес обступал его плотно, но и почтительно – оставляя вокруг свободное пространство, пропуская солнце в высокие стрельчатые окна. На горизонте возвышались горы с зубчатыми верхушками. Зеленели луга; все это я видела раньше, все это я помнила, все это мне снилось – кроме нового города с красными крышами, с мощеными площадями и медными флюгерами на шпилях, кроме нового порта, где покачивались у причалов гребные и парусные суда, кроме речки, довольно широкой, пробившей себе ложе среди камней, корней и мха.

– Ланс, – вывалось у меня.

– Да, – Гарольд кивнул. – Это Ланс.

Море простиралось до самого горизонта, и всюду на волнах пестрели разноцветные паруса.

Я глубоко вдохнула. Пахло хвоей и дымом. Мне сделалось спокойно-преспокойно: я в Королевстве. Я дома. Теперь все будет хорошо.

* * *

Мы шли по лесу, такому светлому и яркому, как ни один сказочник еще не описывал. Деревья, казалось, позировали, желая произвести на нас наилучшее впечатление. Некоторые изгибались корягами, стараясь казаться зловещими. Другие тянулись вверх, поражая стройностью. На лужайках алели полчища мухоморов, а приличные грибы играли в прятки, чуть-чуть приподнимая шляпками ковер из опавших листьев. Грибнику тут было раздолье.

Мы с Гарольдом шагали бок о бок, и я то принималась дышать полной грудью, желая пропустить через себя как можно больше лесного воздуха, то замирала, не смея вздохнуть. Лес потрескивал, покачивал ветвями, шептался – казалось, каждое дерево провожает нас веселыми глазами. Что-то метнулось по стволу – белка? Я разинула рот: рыжее пушистое существо в синих штанах (с прорезью для хвоста) нырнуло за дверцу, прикрывающую вход в дупло, и оттуда уставилось на нас смысленными настороженными глазками.

Я вспомнила слова Оберона о том, что в молодом Королевстве полно чудес на каждом шагу. Интересно, кого еще можно встретить в этом лесу?!

Что-то просвистело мимо уха. Насекомое, похожее на большого кузнечика, с лету зацепилось за ветку, повисло вниз головой и состроило мне рожицу. Я выпучила глаза:

– Гарольд!

– Да?

Мой друг даже не повернул головы: шагал, не глядя, думая о своем, и это меня беспокоило.

– Что с тобой?

– Послушай, Ленка... Я вообще-то не знаю, что на это скажет его величество. То есть он всегда рад тебя видеть, но может, он решит... что мы слишком своевольничаем, а?

– То есть пусть погибает спокойно, мы и пальцем не пошевелим?

Гарольд вздохнул. Провел рукой по волосам; задрожал воздух. Пропала светлая куртка, пропали джинсы и клетчатая рубашка навыпуск – Гарольд стоял передо мной в красном бархатном камзоле и таких же штанах. Высокий ворот, шитый золотом, подпирал подбородок, с плеча ниспадал тонкий черный плащ, высокие светлые сапоги горели на солнце. Я невольно подумала, что, когда мы с Гарольдом знали раньше, он одевался скромнее.

– Ого, – сказала я с уважением.

– Приходится, – мой друг поправил черный с серебром платок, знак мага дороги. – Войдем в замок тайным ходом. Не хочу, чтобы сразу слухи пошли, толпа сбежалась...

– А меня помнят? – спросила я кокетливо.

– Еще как... Стой!

Я замерла. Совсем рядом из лесу вышел мальчик, мой ровесник, ведущий на поводу круглого, как бочка, ослика. На спине осла покачивались две большие вязанки дров.

Я отступила за дерево.

– Будьте здоровы, господин главный королевский маг! – увидев Гарольда, мальчик покраснел от волнения и поклонился чуть ли не до земли.

– Будь и ты здоров, – отозвался мой друг приветливо, но холодно, как и положено важной персоне. Мальчик удалился, часто оглядываясь: наверное, всем друзьям побежит рассказывать о замечательной встрече на опушке...

– Вроде бы никто не чихал, – сказала я Гарольду.

– Что?

– Ну, у нас «будь здоров» говорят, когда кто-нибудь чихает.

– Ага, – пробормотал он, явно думая о другом. – На всякий случай запоминай приметы: двуглавая сосна, от нее на север к зеленому камню... Ты следишь?

– Слежу.

– Положишь на камень руку, скажешь «Откройся», откроется подземный ход, – Гарольд опустил ладонь на поросший мхом валун. Земля под ногами дрогнула. Камень приподнялся; это выглядело так, как если бы огромная черепаха встала на дыбы. Из черной щели потянуло холодом, гнильем и грибами-поганками.

– Нам туда?

– А что тебе не нравится? Извини, у нас метро пока не проложили!

Скрючившись в три погибели, Гарольд полез под камень, а я подумала с интересом: успел он покататься на нашем метро – или король ему рассказывал?

Жесткая трава отпечатывалась на ладонях. Встав на четвереньки и стараясь дышать ртом, я вползла в щель вслед за Гарольдом (мне, конечно, было удобнее – я меньше раза в два). Покатый склон резко пошел под откос, я не удержалась и съехала на животе, так что полоска дневного света осталась далеко вверху.

А через секунду и она исчезла – камень опустился на место. Я огляделась.

Да, я умела видеть в темноте – меня когда-то научил Оберон. У человека, глядящего ночным зрением, светятся глаза; я это знала – но все равно на секунду испугалась, увидев Гарольда. Глазищи его горели двумя зелеными лампами на бледном лице, губы казались черными, а зубы – хищными. И кто бы мог подумать, что эта зловещая рожа принадлежит моему милейшему и добрейшему другу!

Я потихоньку улыбнулась.

Подземный ход был в самом деле «не метро»: Гарольду приходилось протискиваться боком. Свисали с потолка толстые хваткие корни, все норовили вцепиться в волосы. По стенам ползали мокрицы, иногда с потолка за шиворот капала вода. В одном месте стенка сплошь поросла грибами мерзкого вида: мне казалось, они поворачивают шляпки нам вслед. Приглядывают. Следят.

– Гарольд, ты наш мир хоть успел увидеть? Краешком глаза?

– Ну, – Гарольд, пыхтя, протискивался через особенно узкое место. – Так. Немножко. Мне было не до прогулок, сама понимаешь, я тебя искал.

– Хочешь, я тебе потом все покажу?

– Ну... потом. Может быть.

Я на секундочку представила, как веду Гарольда... куда? В зоопарк? Так он таких зверей в своей жизни видел, рядом с которыми даже слон – ничем не примечательный и обыкновенный. В супермаркет? Ерунда, не годится, надо хорошенько обдумать, что есть в нашем мире такого, чтобы боевого мага удивить...

– Гарольд... А как сына назвали?

Он выпрямился, глянул на меня через плечо и почему-то засопел. Я уж думала, он не ответит, и стала гадать, как мог такой простой вопрос его смутить – когда он бросил на ходу, не оборачиваясь:

– Елен.

Я сперва не поняла:

– Как-как?

– Еленом назвали. Имя такое. Елен.

Я споткнулась о камень и чуть не упала.

– Так это... это ведь женское имя!

– Кто сказал? – спросил Гарольд задиристо. – Где это написано? Где такой закон?

Я остановилась. Гарольд прошел несколько шагов и оглянулся:

– Ну ты чего?

Я сама не знала, что со мной. Неужели он назвал сына в мою честь?

– Скучал, – признался Гарольд, глядя на мокрицу, пробирающуюся по земляной стене. – Когда люди происходят из разных миров... Им лучше не заводить дружбы. Потом одно огорчение.

Дальше мы шли молча. Мне казалось, я слышу, как корни пробираются сквозь землю и глину. Шелестят, раздвигая мелкие камушки. Ищут воду. Ищут зазевавшихся подземных путников.

Я на всякий случай догнала Гарольда и пошла очень близко – едва не наступая ему на пятки.

Плавный подъем сменился довольно-таки крутой лестницей. Ступеньки были где сложены из камня, где вытесаны в скале. Закончились корни и мокрицы (я вздохнула с облегчением). Подземный ход превратился в коридор без окон, со стенами из темно-желтого кирпича. Изменился и запах: теперь пахло, как в школьной библиотеке во время ремонта. Мокрая известка, свежее дерево и пыль, пыль... Апчихи!

Мы остановились перед массивной деревянной дверью без ручки. Гарольд приложил руку к месту, где у дверей обычно бывает замок:

– Откройся...

Я ждала скрипа, но дверь распахнулась в полной тишине. И снова изменился запах: сделалось свежее, пахло лесом и морем, немножко дымом и совсем чуть-чуть – розовым маслом.

Мы на цыпочках вошли в незнакомую комнату. Я мигнула, прощаясь с ночным зрением; здесь было светло и даже разноцветно – из-за витражей, встроенных в узкие стрельчатые окна.

Замок Оберона! Когда я уходила из Королевства шесть лет назад, он не был выстроен и наполовину...

Дверь все так же бесшумно закрылась за нами. С обратной стороны ее был гобелен, изображающий пустыню: мимо развалин, кое-где встающих из песка, шел караван. Впереди ехал человек на белом крылатом коне.

Я присмотрелась:

– Гарольд! Это Оберон? Это мы, Королевство в дороге, да?

– Подожди, пожалуйста...

Гарольд проверил, плотно ли закрылась дверь. Я огляделась внимательнее. Мы находились в коридоре, длинном, широком, изогнутом, как лук. На вогнутой стене горели солнечным светом витражные окна. Та, из которой мы вышли – выгнутая, – была увешена гобеленами, и много бы я дала, чтобы разглядеть их внимательнее!

– Это галерея истории, – Гарольд говорил вполголоса. – Сто вышивальщиц трудились сто недель. Только сейчас совсем нет времени.

– Ну пожа-алуйста, хоть мину-уточку...

– Послушай, король не знает, что ты здесь. Я не хочу, чтобы он нас застукал, как заговорщиков. Мне надо его подготовить. Пошли!

И он потащил меня за руку – по коридору налево, потом вверх по винтовой лестнице, да так быстро, что у меня закружилась голова. Внутреннее убранство дворца сливалось в яркую ленту картин, скульптур, пышных тканей, лепных и кованых украшений, но как я ни вертела головой – ничего как следует не могла рассмотреть.

Наконец Гарольд втолкнул меня в маленькую комнату с единственным плотно занавешенным окном.

– Подожди здесь. Разведая, в каком настроении король. В последнее время он что-то часто гневается...

И он ушел.

Я огляделась; в комнатке не было мебели. Две двери, одна против другой, прикрывались неплотно. Я заглянула за одну – длинный коридор, тишина. Заглянула за другую – лестница, тишина, пахнет дымом и розовым маслом. А ведь замок, наверное, большой, пойду гулять – наверняка заблужусь...

Интересно, где все? Где слуги, стражники, сторожа, где его милость комендант, в конце концов? Или у них обеденный перерыв?

Я подошла к окну. Потихоньку раздвинула бархатные шторы; цветная солнечная полоска легла мне на лицо. Я нашла среди витражных стеклышек одно, самое прозрачное, и, прищурившись, посмотрела сквозь него.

Подо мной лежал залитый светом город (немножко желтый, потому что я смотрела через бледно-желтое стекло). Скаты черепичных крыш, трубы и флюгера, деревья, улицы, площади, статуи, мосты, и надо всем этим, как елочная игрушка – серебряный купол в форме капли. Интересно, что это – храм? Или дворец какого-нибудь местного богача?

Приблизив лицо к стеклу, я поднялась на цыпочки. Город казался огромным, он простирался до самого моря, и я, как ни вытягивала шею, не могла увидеть его целиком. Сколько же там живет народу?

Когда Королевство пришло сюда – нас было человек сто, не больше. Но в первый же день стройки явились новые люди – сказали, что ищут работу...

Оберон всегда говорил, что Королевство, едва утнездившись на новом месте, тут же притягивает к себе новых и новых людей, а людям не терпится с утра до ночи возводить стены, ковать железо, строить, мастерить и торговать. Но одно дело знать – и совсем другое увидеть этот город на месте бывшей пустоши!

Не знаю, как долго я смотрела на это чудо. Привлеченная солнечным светом, откуда-то выползла муха и стала биться о витражи, и тогда я спохватилась: где же Гарольд? Где же Оберон?

Я поняла, что могу встретиться с королем с минуты на минуту – и вдруг заволновалась. У меня с его величеством сложные отношения: с одной стороны, он мне как отец, тут Гарольд прав. С другой стороны, я его немножко боюсь – не потому, конечно, что он умеет убивать взглядом (а он умеет), а потому, что мне страшно перед ним опозориться. Однажды такое уже случилось...

Я осторожно опустила штору на место. Пригладила волосы; хорошо бы найти здесь какое-нибудь зеркало. Или хотя бы...

Разворачиваясь, я резко шагнула от окна – и врезалась, ну прямо-таки налетела на человека, тихо стоявшего у меня за спиной. От неожиданности испугалась. Отпрянула. Ощетинилась – и тут испугалась второй раз, до мурашек по коже.

– Ваше вели...

Он ни капельки не постарел. Ни одного седого волоска не прибавилось в аккуратно подстриженной бороде. Ни одной новой морщинки на лбу и щеках.

– Добрый день... ваше величество!

В волосах короля поблескивал золотой обруч. В походе Оберон не носил корону. Но теперь – другое дело: теперь он живет в замке и правит огромной страной! И одет он был по-королевски, и горностаевая мантия на его плечах не казалась ни показной роскошью, ни карнавальным костюмом.

Он молчал и разглядывал меня как-то отстраненно, будто впервые видел. И я вдруг посмотрела на себя глазами вот этого величественного короля: явилась без разрешения! Без зова! Ни с того ни с сего, по каким-то своим соображениям, самовольно и самоуправно, как верно заметил Гарольд...

И где, кстати, Гарольд? Что же мне, одной теперь объясняться с его величеством?!

Минуты шли, а Оберон молчал. Даже не ответил на приветствие.

– Я... не вовремя?

– Ты выросла, – сказал он задумчиво.

Лучшего комплимента он не смог бы придумать.

* * *

В новом королевском кабинете не было особенной роскоши, но каждая вещь, если приглядеться, оказывалась замечательной и страшно удобной. Деревянные кресла (гладенькое, теплое, чисто отшлифованное дерево!), большой стол (груды бумаг и свитков), скамейки, заваленные клетчатými шкурами (это что за звери – в клеточку?), высокие кованые подсвечники у стен, а посреди комнаты – тренога с черной доской, похожей на школьную. И на этой доске какой-то чертеж. Паровая мельница, что ли?

Окна кабинета выходили на три стороны, так что видны были сразу и горы, и море, и город, и лес.

– Ты есть хочешь?

– Нет.

– А если подумать?

– Я пить хочу, – призналась я.

– Морса?

– А есть?

– У короля все есть, – ответил он серьезно. – Садись, где тебе нравится.

Я присела на краешек деревянного кресла. Провела рукой по подлокотнику. Понурилась.

– Что ты мостишься, как чужая?

Я посмотрела на него – и вдруг заревела. Сама не знаю почему. Слезы брызнули из глаз, как у клоуна в цирке, – струйками, будто из пипетки. Я столько дней мечтала об этой встрече, и вот она случилась, но все не так. У них здесь шесть лет прошло, шесть лет Оберон обо мне не вспоминал зачем я пришла – похвалиться новым ростом?! Подумаешь, от горшка два вершка плюс восемь сантиметров...

Оберон, не замечая моих слез, протянул мне кружку; я стала пить, роняя слезы в сладкий ягодный морс.

– Мне кажется, ты слишком строго обошлась с этим парнем.

– С ка... каким?

– С Максом. Максимом, то есть. Человек искренне о тебе заботится – нельзя срывать на нем раздражение.

Я вскинула глаза:

– Так вы...

– Только не подумай, что я за тобой все время следил. Нет. Я только иногда, редко-редко. Я должен был увериться, что с тобой все в порядке, ничего не случилось плохого, все идет, как обычно...

– Как обычно, – горестно пробормотала я, рукавом вытирая сопли.

– Мы скучали по тебе, маг дороги, – мягко сказал Оберон. – Я рад тебя видеть. И напрасно Гарольд...

В дверь стукнули коротким условным стуком. Это был Гарольд, легок на помине, бледный и очень расстроенный.

– Ваше величество... Лена!

– Заходи, – Оберон поманил его пальцем.

– Я искал ваше величество в зале совета...

– Прошу тебя, учись скрывать свои чувства, а то ведь у тебя на лбу все написано. Не очень прилично для человека, который претендует на власть.

– Я ни на что не претендую, – Гарольд нахмурился сильнее. – Я хотел сообщить вашему величеству, что привел младшего мага дороги.

– Я заметил, – Оберон чуть улыбнулся. Я глядела в кружку с остатками морса. Мне не хотелось, чтобы старший маг увидел меня зареванной.

– Гарольд, знаешь что? – Оберон вдруг просиял, как будто в голову ему только что пришла отличная идея. – Почему бы тебе не провести жену и сына? Прямо сейчас, а?

Я убедилась в правоте короля: у Гарольда в самом деле на лице отражалась мельчайшая мысль. Он расцвел – и тут же устыдился своей радости. Заново сдвинул брови, но губы все равно расползались в улыбке. А ведь взрослый человек, подумала я укоризненно; впрочем, сейчас он казался таким, как раньше. Моим старшим братом.

Я не выдержала и улыбнулась тоже.

– Я хотел... – начал Гарольд.

– Я знаю, что ты хотел, – мягко прервал его Оберон. – Мы с Леной уже давно друг друга знаем. Мы сможем найти общий язык, даже если ты в это время будешь играть со своим ребенком. Правда, маг дороги?

Я кивнула, не поднимая глаз.

Глава 3

Общий язык

И Гарольд ушел.

Оберон пошире отдернул занавеску на том из трех окон, из которого видны были город и море. Солнце пронизывало рваные тучи миллионом длинных тонких пальцев. Блики-зайчики отражались от воды и начищенной меди. Море наполнилось парусами и пенными барашками.

– Ты себе не представляешь, Лена, как непросто бывает избавиться от пиратов. Вообрази себе – длинное изрезанное побережье, бухты, бухты, острова... И везде торговля, такая оживленная, что море прямо кипит! Ну как тут не собрать шайку, не угнать с верфи шлюп, не заняться разбоем? Это ведь так выгодно и увлекательно... А люди потом рассказывают о тебе сказки и поют песни.

– Вы шутите? – я с опаской покосилась на Оберона. Он говорил мечтательно, как заправский морской разбойник.

– Нет. Я их вполне понимаю. Но пришлось и пиратам меня понять – спокойствие в королевстве дороже пары-тройки новых легенд. Можешь расспросить Гарольда... Нет, лучше не расспрашивай. Он не любит вспоминать. Хотя другой на его месте гордился бы – три пиратских капитана, обезвреженных за неделю!

– И что вы с ними сделали?

– Гм, – Оберон потер бороду. – Один сейчас командует охраной порта. Другой в темнице. А третьего застрелили в бою. И это к счастью, потому что иначе его пришлось бы повесить. Это был не тот человек, с кем я пошел бы на переговоры, нет, не тот...

– А людоеды? – спросила я жадно.

– Людоеды, – Оберон вздохнул. – Давай сейчас о них не говорить?

– Давайте, – я облокотилась о подоконник. Прищурилась; бликовали латы стражников на городском мосту. Город тянулся к небу флюгерами и шпилями, «загорал» на солнышке скатами крыш. В серебряном куполе-капле отражались, как в кривом зеркале, облака.

– Это Храм Обещания, – негромко сказал Оберон.

Я отшатнулась. Купол моментально перестал мне нравиться – я готова была поклясться, что ничего уродливее не видела в жизни.

– Тот самый?

– Да. Наши принцессы – а теперь сестры-хранительницы – там живут, развлекаются и ждут женихов, – Оберон говорил спокойно, как будто речь шла не о его жизни и смерти, а, скажем, о погоде на завтра. – Гарольд привел тебя, чтобы я отпустил его на поиски принцев?

– А вы не отпустите?

– Нет. Гарольд нужен Королевству.

– Вы тоже нужны Королевству. Даже больше, чем Гарольд.

Он грустно улыбнулся:

– А я, Лена, уже сделал для Королевства самое главное. Я привел его сюда. Теперь оно справится без меня.

Мне вдруг сделалось тошно. Мурашки пробежали по спине, и волосы на руках встали дыбом. Я вспомнила слова Гарольда: «Он вбил себе в голову, что доживает последние годы, чуть ли не последние дни...»

– Ваше величество, – сказала я медленно. – Вы дали обещание принцессам, чтобы спасти Королевство в пути. Но и мне вы тоже кое-что обещали. Помните?

Оберон аккуратно закрыл окно. Задержал занавеску. Прошелся по комнате, у противоположного окна поднялся на цыпочки, поправил складку на портъере. Потянул за шелковый шнурок. Портъера раздвинулась, открыв моим глазам зубчатые пики гор. Над одним из них метнулась огромная тень – и тут же исчезла.

– Ты видела? – Оберон обернулся. – Семья драконов живет на озере. У них, насколько мне известно, трое детенышей.

– Ваше величество, не может быть, чтобы вы забыли свою клятву *мне*.

– Я помню, – Оберон уселся в кресло с высокой спинкой, положил руки на подлокотники и сразу сделался важным, суровым, недостижимым. – Я обещал, что позову тебя на помощь, если моей жизни будет угрожать опасность. Но ты, Лена, мой друг, в отличие от принцесс... и поэтому ты вернешь мне мою клятву. Прямо сейчас.

– Почему это?

– Потому что я так прошу.

Он смотрел все еще благосклонно, но на дне его глаз уже наметился лед. Ох, как я знала этот его взгляд! Равнодушный, холодный, совершенно отстраненный и чужой. Вот точно так же он смотрел на меня, когда я была в его глазах предателем...

Я проглотила застывший комок слюны:

– Нет, ваше величество. Вы мне обещали – и я буду *требовать* исполнения обещания.

Он смотрел, как через толстое стекло:

– Требовать не получится, Лена. Я просто верну тебя в твой мир – навсегда.

Я задержала дыхание – грудь, казалось, сейчас лопнет:

– Возвращайте. А все равно обещание останется. Вы его нарушите?

– Какая разница – одно обещание нарушать или два? Если уж мне суждено умереть клятвопреступником...

– Вы не умрете. И вы не клятвопреступник. Я поеду и добуду вам принцев. То есть не вам, а этим дурам, идиоткам, крысам, жадам, стервам...

– Достаточно, – уголки его губ чуть-чуть приподнялись. – Ты никуда не поедешь, потому что... потому что туда нельзя. А теперь говори и думай что угодно. Ничего не изменится. Я решил.

– Вы решили?!

Мне захотелось убить его на месте. Если бы под руку попало что-то тяжелое... я бы швырнула в него, честное слово, только бы стереть с его лица это показное равнодушие, разбить, да хоть надколоть его ослиное упрямство. Он решил, ну вы подумайте!

– Получается, это было самоубийство? Выходит, давая обещания принцессам, вы заранее знали, что принцев для них не найдется? Ведь вы даже не пытаетесь бороться! Думаете, Королевство вам скажет спасибо, если вы умрете и бросите его? Ради чего? Зачем?

– Не кричи.

– Почему, – я заставила себя понизить голос, – почему вы могли позвать меня в дорогу, прекрасно зная, что это опасно для жизни... А я не знала тогда, как посох в руках держать! Вообще ничего не понимала! Тогда мною можно было рисковать? А теперь нельзя?

– Тогда я знал, что ты будешь рядом и я смогу тебе помочь. Тогда мы все рисковали – ради Королевства, ради целого мира и множества людей. А отправлять тебя... да кого угодно! Отправлять за Ведьмину Печать ради спасения моей шкуры... ты за кого меня принимаешь?!

Он по-прежнему смотрел очень холодно. Как будто перед ним по комнате бегало странное, докучливое, не очень уместное животное. Я сжала кулаки – так что ногти врезались в ладони:

– Я вас принимаю за мудрого государя. Который знает, что его шкура – это шкура его страны. Она не только ваша! Что будет с Королевством, если вы умрете так...

Я запнулась. Мне было страшно говорить то, что я собиралась сказать.

– Так глупо? – Оберон поднял брови. – Ну говори...

– Так паскудно, – выговорила я. – Нарушив клятву... нарушив эту идиотскую клятву. Что станет с тонким миром? Со всем этим вашим волшебством? Неужели всем будет все равно? И Королевству?

– Понятно, – его голос не дрогнул. – Ну-ка иди отсюда.

– Как?

– Иди. Ступай!

Я закусила губу, повернулась на каблуках... Я хотела бежать и разыскивать Гарольда. Я готова была выскочить на площадь, влезть на какую-нибудь бочку и заорать оттуда благим матом: люди! Ваш король сошел с ума! Идите и скажите ему кто-нибудь, что нельзя смиряться, нельзя терять времени, надо рисковать, пусть кто-то идет за эту дурацкую Ведьмину Печать, да хоть я пойду...

Стоило мне сделать один только шаг – как мир вокруг перевернулся.

Я сидела на скамеечке возле маленького грязного пруда. Утки переваливались с лапы на лапу, требовали хлеба. А у меня в рюкзаке завалился недоеденный бутерброд...

По дорожке катилась, погрохатывая колесами, пластмассовая гусеница. Гуляющие мама с малышом брели вдоль озера обратно; как и раньше – как всегда, – я вернулась в свой мир именно в тот момент, из которого исчезла.

Только Гарольда рядом не было.

Меня вышвырнули!

Оберон меня прогнал. «Я просто верну тебя в твой мир – навсегда». Вот и вернул!

Я опустила лицо в ладони. Такого отчаяния – и такой обиды – мне очень давно не доводилось переживать.

– Ленка... Ты чего?

Проклятый Макс. Следил он, что ли, за нами?

– Ленка... Да что случилось? Из-за... того, да? Из-за того хмыря!

– Сам ты хмырь... Уходи.

У Макса, конечно, гордости немного, но кое-какая все же есть. Через минуту я снова была одна – только утки нахально требовали еды да грохотала в отдалении пластмассовая гусеница.

Я вытащила остатки бутерброда. Затвердевший сыр съела сама, крошки хлеба бросила уткам. Они тут же устроили драку – те, что посильнее, гоняли тех, что послабее. Ненавижу эти так называемые законы природы!

Жаль, что пруд в нашем парке махонький, грязный и мелкий. Будь он чуть побольше и поглубже – ухнула бы туда с головой – и привет. Одна мысль о том, что надо теперь идти домой и завтра будет новый день, а потом еще, и целая вереница дней, а Оберон, которого я любила

и за которого сражалась, просто вышвырнул меня из Королевства... Одна такая мысль может кого угодно вывернуть наизнанку.

Утки наелись и ушли.

Солнце опускалось все ниже. Стало прохладно. Я застегнула куртку, надвинула на лоб капюшон. Скоро совсем стемнеет. Мама, наверное, уже вернулась домой с малыши. Увидела, что меня нет, и ругается. Говорит отчиму, что я неизвестно где гуляю и отбилась от рук. А если не приду к девяти – она с ума сойдет от беспокойства...

У меня есть телефонная карточка. Можно пойти на остановку и позвонить.

А потом что? Возвращаться и сидеть на скамейке до утра? Мало ли кто в этом парке ночует...

Идти домой? Тошно, если честно. Никого не хочется видеть.

А может, и не было ничего? Не приходил ко мне Гарольд, не уводил в Королевство? Скоро май, а там лето, каникулы...

Загорелись фонари над прудом. В полутьме не было видно пластмассовых стаканчиков, плавающих у берега, и разбитых бутылок в зарослях камыша. Огни красиво отражались в воде – можно было представить, что пруд чистый, и берег чистый, и вообще ничего плохого в жизни не произошло...

На поверхность пруда упала тень. Двое парней шли в глубь парка от автобусной остановки – двое почти взрослых, неряшливых, каких-то странных парней. Я поднялась со скамейки – что мне, ждать, когда они подойдут поближе?

– Эй, малая!

Я глянула направо, налево... Почти совсем стемнело. И кругом, как назло, ни души. Будь я магом дороги с боевым посохом в руках – испугалась бы хоть на минуту.

Но я была просто девчонкой и потому быстро-быстро пошла по аллее прочь.

Парни заржали. Может, они смеялись каким-то своим разговорам, но мне-то ясно было, что хохочут надо мной. И прибавили шагу не случайно – гонятся. А дорожка ведет в тупик... То есть ведет она к детскому аттракциону «Автодром», но он по будням не работает.

Я шла все быстрее, пока не побежала. Рюкзак тяжело подпрыгивал на плече. Мимо проносились кусты, деревья, скамейки. Это было как страшный сон какого-нибудь зайца – он бежит, спасая жизнь, а за ним собаки...

За спиной хохотали уже как-то с повизгиванием. Ноги у парней были куда длиннее моих.

Я чуть не налетела на железные ворота – второй выход из парка. Ворота всегда закрыты. Висячий замок намертво проржавел. Направо – стена «Автодрома». Налево – склон, колючие кусты, внизу еще одно озеро...

Задышавшись, я перемахнула через кусты. Здесь, в чаще, еще не выросла трава – ноги мои тут же заскользили по мокрой земле и глине, я потеряла равновесие и покатилась, как мешок, вниз, вниз, в грязный, покрытый пеной пруд.

У самой кромки воды падение оборвалось: меня схватили за шиворот. Треснули нитки. Я рванулась, готовая биться не на жизнь, а на смерть. Парни перекрикивались и бранились где-то наверху, в отдалении, так кто же был этот новый враг?!

Собираясь завизжать, я посмотрела вверх; надо мной возвышался человек с горящими в темноте глазами. Не как у кошки – ярче раз в десять. Как будто включили две зеленые лампы со зрачками, с тоненькими кровяными прожилками.

Я ослабела.

Сверху трещали кусты. Парни утюжили их, как два полоумных бульдозера.

– Где? Вот коза! Куда она...

– А-а-а! А-А-А!

Уж не знаю, что подумали пешеходы на улице за забором. Парни дико заорали в два голоса – один густо и хрипло, другой тоненьким козлиным тенором. Затрещали кусты, затопотали ботинки – и все стихло.

И было тихо минуты две или три.

– Ты не ушиблась?

– Нет.

Оберон помог мне подняться на ноги. Глаза у него по-прежнему жутко светились в темноте, куда ярче, чем у меня или у Гарольда. Король смотрел ночным зрением.

А я в самом деле почти не ушиблась. Только изгваздалась вся в мокрой земле, да еще коленки тряслись. И в рюкзаке что-то треснуло. Наверное, линейка сломалась.

– Идем.

– Куда?

– Отведу тебя домой. Мать с ума сходит.

Я вырвала руку из его руки:

– Не надо. Я сама дойду. У вас же дел полно.

– Пока я здесь, время в Королевстве остановилось, – мягко напомнил Оберон.

– Я сама дойду, – повторила я упрямо. – Вам не нужна моя помощь, ну а мне – ваша. Разошлись по своим мирам, и ладушки.

– Ну что за детский сад!

Я повернулась и полезла вверх по склону – на четвереньках. Подошвы скользили. Я цеплялась за ветхие кустики желтой прошлогодней травы.

Парней, конечно, и след простыл. Тускло горели фонари. Я кое-как отряхнула с колен песок и налипшие комья земли. Интересно, что скажет мама, когда я заявлюсь домой в таком виде.

И ведь как хорошо начинался день...

Оберон выбрался на дорожку вслед за мной. Его глаза больше не светились – они глубоко запали, спрятались под бровями, и тени вокруг были, как темные очки. Я вдруг сообразила – пока я хныкала на скамейке в парке, в Королевстве прошло несколько суток!

– Лена, ты меня прости.

Я молчала, опустив голову.

– Ты просто не понимаешь, чего требуешь.

– Нет, это вы не понимаете, что такое для Королевства – потерять вас.

– Я-то понимаю, – сказал он тихо. – Ты сама не знаешь, как ты права.

– Если понимаете – почему не ищите принцев? Почему не позволяете Гарольду? Почему не позволяете мне?

Мы медленно шли по пустынной дорожке вдоль пруда. В воде отражались фонари.

– Вот телефон, – будничным голосом сказал Оберон.

– Ну и что?

– Позвони матери. Скажи, что придешь через полчаса.

Мне захотелось реветь. Он был такой спокойный, равнодушный... непрошибаемый. Как бетонная стенка – хоть голову о нее разбей.

– А я не буду звонить. И не приду через полчаса. И... уходите!

Он схватил меня за клапан рюкзака. Удержал:

– Подожди. Даже если ты пойдешь сейчас со мной в Королевство, и проживешь там годы и годы, и будешь сражаться с кем захочешь за что захочешь – ты все равно будешь дома через полчаса... Понимаешь?

Глава 4

Анатомия обещания

На королевском письменном столе царил беспорядок. Громоздились бумаги и свитки, неровными рядами стояли склянки и чашки, большая чернильница лежала на боку. Старая серая крыса с подвязанным к спине хвостом меланхолично промокала губкой высыхающую чернильную лужицу. Я разинула рот.

– Это Дора, уборщица... не пугайся. Она свой человек.

– Человек? Вы превратили ее в крысу в наказание?!

– Нет, что ты, она всегда была крысой. «Свой человек» – в смысле, ей можно доверять.

Оберон уселся за стол, локтем сдвинул в сторону бумаги. Полетела вниз подставка для перьев в виде мага с посохом; Оберон поймал ее на лету. Поставил на край столешницы. Крыса перехватила статуэтку за талию и поволокла в глубь завала, оставляя за собой мелкие чернильные следы.

Я огляделась.

Похоже, в королевском кабинете несколько дней не прибирался никто, кроме Доры. А крысе не под силу было расставить по местам сдвинутые лавки, поднять опрокинутый стул, сменить портьеру, опаленную снизу огнем упавшего канделябра. Моя мама при виде такого «порядка» упала бы в обморок.

Посреди комнаты стояла на трех деревянных ногах уже знакомая мне доска, покрытая меловой пылью. На ней много раз что-то писали – и стирали небрежно, так что буквы и чертежи, проглядывая друг через друга, образовывали красивый бессмысленный узор.

– Итак, Лена, я готов перед тобой отчитаться, – Оберон вытащил из-под груды бумаг тугой свиток, развернул, и я увидела красивую географическую карту – черный рисунок на желтоватой бумаге. – Королевство растет с каждым днем. Кроме столицы, основаны десять больших городов и несчетное множество деревень и поселков. Земли плодородны. В лесах полно дичи и леших. В горах гнездятся драконы, в реках безобразничают русалки, монетный двор чеканит монету, купцы везут богатые товары из-за моря. Все, как обычно, все, как должно.

Я разглядывала карту, и мне казалось, что нарисованные тушью корабли покачиваются на кружевных волнах, кивают парусами.

– Все, да не все. Разве заморские принцы не знают, что у вас пять принцесс на выданье? Оберон потер переносицу:

– Лена. Ты когда-нибудь задумывалась об устройстве нашего мира?

– Ну вот же, – я показала на карту. – Моря, берега, реки... У вас земля круглая?

Король ухмыльнулся:

– Вообрази, что ты стоишь в темной комнате. Или нет... Что ты летишь в темной пустоте. Если ты зажжешь огонь – высветится круг. Ты увидишь ближайшие предметы. Чем ярче горит твоя свечка, тем больше их будет. Моря, берега, реки. А за пределами освещенного круга – мрак, и ты не знаешь, что там. Где сейчас наш старый мир? Тот, что мы с тобой вместе покинули? Мы прошли через неоткрытые земли и никогда не сможем вернуться. Освещенные пятна летят сквозь темноту, ежесекундно отдаляясь на тысячи лет, на миллионы полетов стрелы...

– Это что, – спросила я шепотом, – как в космосе?

– Не знаю, – сказал король после паузы. – Я это представляю именно так: пузырьки света, плавающие во мраке. Королевство – искра, способная преодолеть темноту и зажечь новый свет.

А когда он разгорится – снова уйти в темноту. Вот наш мир, Лена, для него не составлено карт, не придумано глобусов. Большое море – огромное темное пространство, никто не знает, что лежит за ним. Может быть, ничего не лежит. И нет никаких заморских принцев.

– А заморские купцы есть?

Оберон пренебрежительно махнул рукой.

– Они плавают вдоль побережья. Берут лес и шерсть в устье Ланса и везут вот сюда, в Смильну, – Оберон ткнул пальцем в изображение тупомордого чудовища на карте. – Здесь продают, как товар из-за моря... А шелк, ковры и шкуры бекриков везут обратно в столицу. Так и торгуют.

– Шкуры бекриков? – переспросила я машинально.

– Контрабандой. Наша таможня не успевает проверить все трюмы. Но, честно говоря, жителям Смильны все равно приходится отстреливать бекриков десятками – они плотоядны, вытаптывают посевы, крадут скот, а размножаются со страшной скоростью, делясь надвое и натрое...

Я внимательнее присмотрелась к тупомордому чудовищу на рисунке. Его шкура была клетчатая, как занавески у нас на кухне.

– И они несъедобны, – сказал король, будто извиняясь.

Дора, крыса-уборщица, выбралась из завала. С трудом поставила на место опрокинутую чернильницу. Метелкой, связанной из трех облезлых перьев, принялась мести стол. Полетела пыль.

– Значит, – спросила я тихо, – в этом мире вообще нет принцев, кроме Александра, вашего сына?

Оберон молчал.

– Значит, вы обещали принцессам принцев, заранее зная, что обещание невыполнимо?

Дора ненароком смела со стола большой кусок мела. Грянувшись об пол, мел разлетелся на много осколков. Крыса бросила метлу и схватилась лапами за голову.

– Разве я самоубийца? – тихо спросил Оберон. – Надежда была, и довольно твердая. Вот, например, если бы жители островов оказались не людоедами, а приличными людьми, и власть у них не выгрызалась зубами, а давалась по праву наследования, наши принцессы давно были бы замужем.

Я оживилась:

– Может быть, выдать принцесс за людоедов?

– Заманчиво, – серьезно кивнул Оберон, – но Обещание от этого не исполнится.

– А... принцессы могут вообще-то выбирать? Если вы приведете какой-то из них принца, она обязана выйти за него, даже если он горбатый?

– Если горбатый – можно отказаться. Но если у него прыщ на носу, или он ревнив, или склочен, принцесса тем не менее должна идти к нему в жены, иначе сразу лишится звания сестры-хранительницы.

– А если принц, к примеру, вдовец?

– Не имеет значения. Принцесса обязана за него выйти.

В голове у меня закрутились цветные картинки. В тот момент они даже не казались мне страшными, наоборот: на секунду я поверила, что нашла выход. Это же проще простого...

Я глупо улыбнулась. Мысли, без спросу забравшиеся ко мне в черепушку, были смешные и гадкие одновременно. Хорошо бы Оберон не догадался, о чем я подумала.

Но главное – надежда есть. Маленькая, но есть.

– Ваше величество, а если принцессы сами, по доброй воле, вернут вам ваше Обещание?

Оберон внимательно меня разглядывал. Понял он или нет, что за идея меня посетила?

– Они не вернут, – сказал он наконец. – Знаешь, как только в округе разнесся слух о сестрах-хранительницах, к нам толпами повалили разнообразные женихи. Но ни одна из пяти принцесс не променяла будущего принца на семейное счастье здесь и сейчас.

– Понятненько, – я закусила губу. – А вы с ними разговаривать не пытались?

– С женихами?

– С принцессами!

– О чем?

– О том, что нехорошо так себя вести!

– Я дал им обещание. Как мне объяснить, что ждать его исполнения нехорошо?

– Можно, я с ними поговорю? – спросила я небрежно.

Ах, как мне было страшно, что он откажет!

– Не стоит, Лена, – сказал король, и мое сердце ухнуло в пятки. – Хотя... Как хочешь.

Я перевела дыхание. Надежда окрепла.

– Ваше величество, а если у меня получится уговорить не всех принцесс, а только некоторых? Или даже одну?

Король испытующе на меня посмотрел. Поднялся, прошелся перед доской взад-вперед, под подошвами у него похрустывали осколки мела, но он не обращал внимания.

Остановился. Широким рукавом смахнул с доски пыль и остатки чертежей. Поднял с пола самый большой меловой осколок.

– Смотри. Вот пять принцесс – Алисия, Ортензия, Филумена, Стелла и Розина.

Постукивая мелком, он быстро нарисовал на доске пять фигурок в треугольных платьях.

– Вот Обещание...

Он обвел фигурки пунктирной линией, заключая их в круг.

– Любая из принцесс вольна выйти замуж за кого угодно, – Оберон пририсовал к одной из фигурок стрелку, выводящую за рамки круга. – При этом прочие могут последовать ее примеру, а могут ждать принца до первого седого волоса. Но как только – если! – какой-нибудь принц назовет одну из наших девушек своей невестой... – он пририсовал рядом с верхней фигуркой человечка в короне, – остальные обязаны будут ждать своей очереди. То есть Обещание становится непроницаемым, вот таким... – и Оберон навел поверх пунктирного круга толстую непрерывную линию. – Понятно?

– Как это все сложно, – протянула я с грустью.

– Ничего сложного. Принцессы прекрасно знают, что, пока на горизонте не появится первый принц, они совершенно свободны. Но что-то пока не спешат этой свободой воспользоваться...

Я мрачно улыбнулась собственным кровожадным мыслям.

– Ваше величество... когда мне можно будет с ними поговорить?

* * *

У Гарольда был собственный дом под красной крышей, с серебряным флюгером-драконом. Его жена оказалась милой толстушкой, а сын – воинственным крикливым созданием, так и норовящим ухватить меня за волосы.

– Слушай, – сказала я Гарольду, когда ребенка увели кормить. – Я знаю, как отменить Обещание.

– Врешь!

В минуты волнения Гарольд, взрослый дядька и старший королевский маг, говорил и вел себя как мальчишка из седьмого класса. Оберон прав: ему надо учиться владеть собой.

– Знаю, знаю, – повторила я снисходительно. – Только ты должен мне помочь.

– Как?

– Пойдем со мной к принцессам. Я буду говорить, а ты – подтверждать. Ну и... Если они вздумают драться, мне с ними не справиться, сразу с пятью. А ты – можешь.

– С чего им драться?

– Я буду говорить неприятные вещи, – пояснила я сухо. – Я заставлю их отказаться от обещания по доброй воле.

Гарольд сник. Только что надеялся – и вот разочаровался. Опустил глаза:

– Не выйдет. Я уже пытался.

– И что ты им говорил?

– Ну всякие слова о разуме, о совести. Что Оберон из-за них умрет, Королевство придет в упадок, и они ведь ничего не добьются – принцев как не было, так и нет. И что какой-нибудь честный капитан или купец лучше принца в сто раз. И что, мол, какой им смысл стареть в этом храме Обещания?

Гарольд засопел.

– А они?

– Смеялись, – признался старший королевский маг. – Прямо животики надрывали. Заправляет у них эта... Филумена. Так она... – Гарольда передернуло. – Знаешь что? Им на всех начхать. Что им Оберон, что им Королевство? Им нравится жить в храме, у всех на виду, нравится, что все с ними носятся, о них только и говорят... – он замолчал и опустил голову.

Я вдруг поняла, как сильно устала. Там, в нашем мире, был уже поздний вечер, а здесь только солнце склонялось над морем. В комнате у Гарольда было светло и удивительно чисто – вымыты гладкие деревянные стены, вытерта пыль с мебели и карнизов, отполирован узловатый посох мага, стоящий в углу на особой стойке. Мирно покачивались занавески.

– А если они влюбятся в кого-нибудь?

– Они? Брось. Они не способны ни любить, ни влюбляться. Они хотят только привлекать внимание, сводить с ума и потом прогонять. Расчетливые стервы, вот кто они такие.

– Тем лучше, – я улыбнулась. – Значит, их не жалко.

– Не жалко? Что ты задумала?

– Увидишь... Гарольд, возьми свой посох. И найди мне подходящую одежду – я хочу выглядеть прилично, потому что через час у нас свидание с принцессами в храме. Король отправил им посыльного, чтобы ждали.

– Надеюсь, ты в самом деле придумала что-то умное? – сказал Гарольд без особой уверенности.

– Не сомневайся, – я выпятила грудь. – Знаешь что? Добудь мне сапоги на каблуках. Чтобы казаться повыше. Надо, понимаешь, для дела.

Глава 5

Сестры-хранительницы

Солнце склонялось все ниже, но до темноты было далеко. Я шла по улочкам нового города, закутавшись в плащ до самого носа. Да, у меня теперь был плащ с королевским гербом, черный с серебром платок – знак мага дороги, тонкая рубаша и кожаные штаны, и жилетка с нашитыми металлическими пластинками: все мои старые вещи кто-то, оказывается, бережно сохранил, вычистил, выстирал и заштопал дыры. И пусть рукава и штанины были короче, чем надо, – меня это только радовало. Плюс восемь сантиметров – не шутка!

Гарольд шагал рядом, степенный и хмурый. Постукивал посохом по мостовой. Перед нами расступались: только что была толкучка, и вдруг – вжик-вжик – свободный коридор. Гарольду кланялись, на меня поглядывали с недоумением: что это, мол, за мелочь рядом с королевским магом?

Они меня не знали, новые обитатели Королевства. Ничего! Скоро узнают.

Мы вышли на площадь, и сердце во мне снова скакнуло. Самой площади было всего ничего, так, перекресточек. Зато храм! Вблизи он оказался просто огромным, не меньше королевского замка. Солнце отражалось в сверкающем куполе.

У входа в храм сидели на ступеньках музыканты. Играли вроде бы каждый свое, но вместе получалась жутковатая завораживающая музыка. Я струхнула.

Самоуверенных бьют по ушам, как говаривал наш физкультурник. За шесть лет, которые прошли в Королевстве в мое отсутствие, бывшие принцессы-невесты успели повзрослеть. Я перед ними – маленькая девочка, ребенок-из-пеленок. Они смеялись над Гарольдом – как же они будут потешаться надо мной?!

Мы шли через площадь, и народ глазел на нас со всех сторон. Я споткнулась раз, потом другой. Может, еще не поздно повернуть обратно?

Нет. Поздно. Вот затихли музыканты, вот плавно, с завораживающей медлительностью, растворились ворота. Я прищурилась. Похоже, у них в храме было светлее, чем на залитой солнцем площади!

Музыканты вскочили со ступеней, привычно расступились и по щелчку невидимого дирижера заиграли новую мелодию – веселую, танцевальную. В ритме музыки выскочили девушки в веночках – я испугалась, что это принцессы и есть, но их было, по крайней мере, штук пятнадцать. Изгибаясь во все стороны, кувыкаясь и подпрыгивая, девушки прошли по площади в танце, потом выстроились у входа в храм, образовали живой коридор и прокричали хором:

– Госпожи! Сестры-хранительницы! Приветствуют! Королевского мага Гарольда! И маленького незнакомца! Входите! Вам позволено!

Голоса у девушек были звонкие, как визг циркулярной пилы. Я обомлела от такой наглости: ну надо же! «Маленького незнакомца»! Да еще и «позволено»! Ну, распустил их тут Оберон...

Когда я сильно волнуюсь, меня начинает немного мутить. Вот и теперь: со всех сторон доносились крики толпы (Еще бы! Бесплатное представление!), девчонки улыбались напояженным ртами, а я все силы бросила на то, чтобы удержать дрожь в ногах да не побледнеть слишком резко. У меня кожа тонкая: что краснею, что бледнею – в один момент.

Гарольд молча двинулся вперед, сквозь живой коридор этих дурищ в веночках, я задрала нос до самого неба и зашагала за ним. Да, легко строить планы, а когда дойдет до дела – знай коленки удерживай, чтобы не тряслись.

Мы поднялись по истертым ступеням (Храм-то новый! Когда же успели до дыр истоптать!), миновали створ ворот и вошли в светлый, прямо-таки сверкающий зал. Все здесь было очень яркое, все золотое или позолоченное, все, что могло блеснуть – блесло. При виде такого великолепия любая сорока удавилась бы от зависти.

Купол изнутри был полый, чем выше, тем темнее. На внутренней его стороне нарисованы были звезды, и в высоте носились, вспыхивая, искорки-светлячки.

– Наши гости поражены великолепием храма, – прозвучал под этим куполом необычайно громкий, будто по радио, голос. Откликнулось эхо; мы с Гарольдом стояли, как на арене цирка, на пяточке мозаичного пола, а перед нами возвышались полукругом пять огромных кресел. На каждом восседала женщина: в сравнении с креслами все они казались маленькими. Разодетые в пух и прах, красивые, самодовольные, они глазели на нас сверху вниз, а та, что сидела в центре, еще и ухмылялась.

И это те самые принцессы-невесты, которых я когда-то защищала? Которых мы везли в караване почти как груз? Те самые «высочества», которые в присутствии Оберона стеснялись поднять глаза?

– Приветствуем сестер-хранительниц, – сухо сказал Гарольд, изображая поклон. – Мы к вам по делу.

– Неужели? – удивилась та, что сидела в центре. Ее голос усиливался каким-то приспособлением и разносился по залу, как мелодичный грохот. Я прищурилась: на спинке среднего кресла имела золотая табличка с надписью «Филумена».

Ах, вот оно что. Вот кто у них заправляет.

– Какая скука, – сказала Филуменина соседка справа, рыжая, как апельсин. Ее голос, тоже громкий, оказался еще и хрипловатым. На спинке кресла я прочитала: «Алисия».

– А что это за малявку ты нам привел? – спросила толстячка, занимавшая крайнее правое кресло. Я зыркнула в ее сторону: «Ортензия». Как она располнела за шесть лет! Была ведь тоненькая, как травинка, а теперь... Толстые щеки, толстые пальцы, зад едва в кресле умещается. А туда же – «малявка»!

Я выждала секунду – и откинула капюшон. Конечно, они моментально меня узнали. Одна только Филумена догадалась притвориться, что задумалась и вспоминает: прочие раскололись сразу же. Алисия выпучила удивленно глаза, Ортензия сказала «Ох», та, что сидела крайняя слева – Розина, – захлопала в ладоши. И только девушка, чье кресло помещалось между Филумениным и Розининым – Стелла, – просто улыбнулась.

– Лена! – выкрикнула Розина. – Маг дороги! Откуда?

– От верблюда, – сказала я степенно. Мне уже было совершенно ясно, что разговора в этом зале не получится. Стоишь тут, как мышь перед динозаврами, поди-ка заставь себя слушать!

Принцессы изучали меня, переглядываясь, перемигиваясь, точь-в-точь как противные десятиклассницы.

– Ты мало изменилась, – Филумена прищурила черные, обрамленные пушистыми ресницами глазищи. – В вашем мире все такие маленькие?

Ну вот. Нашла слабое место и бьет, и лупит!

– В нашем мире, – сказала я холодно, – прошло всего лишь четыре месяца. Так что пока вы тут думаете о седых волосах, я еще седьмой класс, к сожалению, не успела закончить.

Они снова переглянулись.

– Мы вовсе не думаем о седых волосах, – сказала толстая Ортензия, нервно поправив светлый локон на виске. В своем голубом платье она была похожа на необъятное облако.

– Мы думаем о принцах, – сказала Розина и захихикала. Она была самая некрасивая из принцесс и самая расфуфыренная – серая мышь в алых и золотых кружевах. На прическе у нее сидела алмазная бабочка с проволочными усиками, и, когда Розина смеялась, эти усики тряслись так, будто бабочка собиралась чихнуть.

Стелла, ее соседка, молчала. Она была единственной, кто пока не проронил ни звука.

– Принцессы, – я прокашлялась. Голос мой звучал не очень-то внушительно, но в этом зале и тихие звуки усиливались и поднимались под купол. – Я пришла к вам с важным и неотложным делом. Речь идет о вашей жизни или смерти, поэтому давайте-ка побеседуем, как старые знакомые. Без всего этого, – я обвела рукой вокруг, – цирка.

Розина перестала улыбаться и испуганно затрясла бабочкой. Стелла и Ортензия быстро взглянули на Филумену. Рыжая Алисия рассеянно подтянула кружевную перчатку, изумрудную с золотом, в тон потрясающе красивому зеленому платью.

– Гарольд, – невозмутимо проговорила Филумена. – Поясни бывшему магу дороги, что за время, пока мы не виделись, в государстве произошли кое-какие изменения. Сестры-хранительницы сами выбирают, где и как принимать гостей и принимать ли вообще. Вас прислал король?

– Да, – сказала я быстро, не давая Гарольду возможности ответить. – Шесть лет – долгий срок. Но за последние сутки в Королевстве произошли еще кое-какие изменения. И вы о них пока не знаете, хотя касаются они прежде всего вас!

Толстая Ортензия колыхнулась в кресле, как студень. Рыжая Алисия откинулась на спинку, придав лицу утомленно-загадочное выражение. Стелла нервно сцепила пальцы, Розина икнула.

– И ребенок из другого мира явился, чтобы нас просветить? – холодно спросила Филумена.

Я задержала дыхание.

Когда мы шли по неоткрытым землям, я была не «ребенок». Я убивала сосунов, корнями пьющих человеческие соки, я держала своды подземного тоннеля, я освобождала принцесс из-под завалов песка. И теперь они смеют так со мной разговаривать!

Я выдохнула, снова набрала полные легкие воздуха и оттолкнулась ногами от мозаичного пола. Если у меня не выйдет, если я разучилась или плохо сосредоточилась – получится смешной прыжок на месте, тогда уже точно пиши пропало...

Я зависла в воздухе над самым полом. Мое тело раздумывало: то ли опуститься обратно, то ли подниматься выше?

В этот момент я встретилась взглядом с Филуменой. Она глядела на меня, как на обезьянку в футбольных трусах.

Ну погоди.

Надувшись как шар, я поднялась еще на несколько метров. Гарольд смотрел на меня с тревогой. Со свистом выдохнув, я зависла почти под куполом – вровень с лицами сидящих на тронах принцесс. Ощущение было такое, будто впервые после долгого зимнего перерыва сел на вихляющийся чужой велосипед, где и сиденье слишком высокое, и педали неудобные, и руль немножечко свернут в сторону, а ты все равно едешь, удерживаешь равновесие и весело думаешь: а как тормозить?

Я раскинула руки. Свет бил со всех сторон, мои крестообразные тени лежали на полу и на стенах, и, что самое приятное, одна из них пришлась прямо на лицо Филумены. Значит, сейчас она видит только мой подсвеченный сзади силуэт.

Ага, «ребенок из другого мира»?! Розина вздрогнула, Ортензия обмерла, Стелла подавалась назад, Алисия, наоборот, сильно наклонилась, словно разыскивая под ножками кресла слетевшую с губ презрительную ухмылочку.

Складки моего плаща расправились. Я замерла, опасаясь лишним движением нарушить равновесие.

– Что же ты хочешь сказать нам, маг дороги? – после длинной паузы спросила Филумена.

– Вы в опасности, – я говорила отрывисто, берегла дыхание. – Совет магов моего мира принял решение.

– В твоём мире нет магов, – пробасила Ортензия.

– Что вы знаете о моём мире? Совет магов не потерпит. Решено исполнить обещанное королем.

Снизу доносилось дыхание Гарольда. Слишком громкое. Хоть бы он проследил за лицом, не выдал меня случайным словом или глупой миной. Держись, Гарольд, ты все-таки главный королевский маг!

– Нам приведут принцев из твоего мира? – Алисия наконец-то выпрямилась. Щеки ее налились неприличным бордовым цветом, даже зеленый с золотом наряд не казался теперь таким красивым.

– Нет. Вас выдадут замуж здесь.

– За кого? – быстро спросила Розина.

Меня стало немного кренить вправо. Кренить и разворачивать. Что здесь, ветер? Сквозняк? Пытаясь удержать равновесие, я поднялась еще выше. Тень сползла с лица Филумены. Принцесса прищурилась.

– Вас решено выдать за принца Александра.

Три выкрика раздалось одновременно:

– Бред!

– Ерунда!

– Дура!

Промолчали только Стелла и Филумена. Первая, в жемчужно-белом платье, все так же заламывала пальцы. Вторая внимательно меня разглядывала: для этого ей приходилось теперь смотреть вверх, запрокидывая голову.

Как далеко внизу осталась мозаичная «арена»! Каким маленьким кажется Гарольд! Он тоже смотрит на меня, но видит только подметки да полы плаща...

– Все просто, – я старалась, чтобы они не услышали моего тяжелого дыхания. – Сейчас принц женат на Эльвире. Если Эльвиру уронить с корабля в море, принц будет снова свобо-

ден. После Эльвиры выйдет замуж Филумена. Ей поднесут на ночь сонную траву, и она не проснется. После Филумены настанет очередь Алисии. И так до тех пор, пока каждая из вас не получит принца в мужья. Все справедливо. Все, согласно Обеща...

Я не могла больше говорить – меня опять стало кренить вправо. Звезды, нарисованные изнутри на куполе, мягко мерцали. Вокруг кружились золотые искры, не то бабочки, не то светляки. Навернись с такой высоты – мокрое место останется. Никакая магия не поможет.

Принцессы говорили разом. Их голоса сплетались, отдавались эхом, до меня доносился рубленый салат их воплей: «Да как они посме... она лже... это пра... я боюсь... они не посме...»

– Выход один, – я вскинула правую руку, будто призывая к вниманию, на самом деле, чтобы не завалиться на бок. – Вы сегодня же, сейчас. Объявляете королю и Королевству. Что больше не ждете принцев. Что отдаете Обещание назад. Решайте быстрее.

Я затрепыхалась, как подстреленный воробей. Хотела опуститься, но вместо этого поднялась еще выше, под самые звезды.

– Я готова вернуть обещание, – раздался вдруг голос, которого я раньше не слышала. Это была Стелла.

– Только попробуй! – зашипела Алисия.

– Не давай себя запугать, – голос Филумены был непривычно тонким, но говорила она уверенно. – Это обман. Это блеф!

– Нет, – рывкнула я из-под купола. – Даже если его величество Оберон... проявит благородство... Совет магов из моего мира сделает все, как я сказала!

Эти мои слова оказались большой ошибкой.

Принцессы разом замолчали. Со своей верхотуры я видела пять запрокинутых лиц.

– Вот оно что, – медовым голосом пропела Алисия. – Значит, совет магов твоего мира главнее Оберона?

– Значит, – подхватила Филумена, – король больше не хозяин в своей стране?

– Придет совет магов и переспорит Оберона, – хмыкнула Ортензия. – Хи-хи.

– Фу, врунья! – выкрикнула Розина. – А я поверила!

Стелла молчала.

– Лена, – я услышала напряженный голос Гарольда, – спускайся...

– Слушайте, вы! – я никак не желала принимать поражение. – Ну что вы уперлись, как козы? Вы же состаритесь в этом храме! Вас же проклянут все на свете, сами люди после смерти Оберона храм развалят, а вас прикончат! Вас же на куски порвут!

– Прекрати истерику, маг дороги, – с отвращением промолвила Филумена. – Никто не состарится. Никто не умрет. Просто вы, могучие маги, оторвете наконец зады от кресел и отыщете то, что обещал Оберон. Нам все равно, откуда вы приведете принцев – но вы их приведете. Это наше последнее слово.

– Ах так! – закричала я. – Ну погоди. Я вам достану принцев! Одного ревнивого, другого прыщавого, третьего... людоеда! А четвертого...

Тут воздух перестал меня держать, и я полетела вниз – сначала медленно, поворачиваясь вокруг своей оси, а потом все быстрее и быстрее. Перед глазами сделалось сперва красно-красно, а потом темно. И затихал вдали издевательский хохот принцесс.

Глава 6

Явление Уймы

Спас меня Гарольд. Сплел посохом сеточку и сумел поймать меня у самой земли, вернее, у самого мозаичного пола.

В гробовом молчании мы с ним вышли из храма и побрели, куда глаза глядят. Вышли за городские ворота (стража приветствовала нас, кое-кто меня узнал, но мне было не до разговоров и не до объятий). Выйдя на берег речки Ланс, мы уселись на перевернутую рыбацью лодку и усталились на поросший лесом противоположный берег.

Солнце село. Закатное небо отражалось в широких и спокойных водах Ланса.

– А какая хорошая идея, – сказал Гарольд.

– Что?

– Да отличная ведь мысль... Выдавать их замуж по очереди. За Александра, – Гарольд плотоядно усмехнулся.

– Не любишь ты принца.

– А за что его любить? Знаешь, я бы последней выдал замуж Стеллу. Пусть она останется в живых. Она из них единственная нормальная, только Филумена на нее давит.

– Спасибо, – сказала я со вздохом.

– За что?

– За то, что я – это я, а не мокрое место в храме на полу.

– Не за что. Ты здорово летала.

Я улыбнулась:

– И план, говоришь, хороший?

– Ага. Жаль только, что невыполнимый. Для Оберона.

– Так я ведь знаю. Я хотела только, чтобы они испугались.

Гарольд невесело покачал головой:

– Теперь еще они нажалуются королю...

– Пусть жалуются, – сказала я зло. – Гарольд... А что такое Ведьмина Печать?

Он вздрогнул. Покосился с подозрением:

– Откуда ты знаешь?

– Король сказал. Чтобы я, мол, пустил тебя за Ведьмину Печать, да ради собственной шкуры...

Небо потихоньку меняло краски. Будто линяло, сменяя золотую шкурку на светло-бежевую.

– Ленка, – сказал Гарольд. – А ты ведь совсем ребенок.

– Ты же знаешь, что нет. Я маг дороги.

– Знаю. Раньше, когда я сам был сопляком... Я ведь не понимал, какая ты маленькая.

– Я большая. Помнишь, как мы с тобой...

– Да помню! Все помню. Только не знаю, что мне делать. За Ведьмину Печать тебе нельзя... Одной точно нельзя.

– Пойдем вместе?

Гарольд сглотнул. Снова посмотрел за реку. Мне показалось: сейчас он согласится. Сейчас скажет: пойдем вместе. Как в прежние времена. Пойдем и добудем пять принцев для этих

поганок-принцесс, и пусть с ними делают, что хотят. Храм Обещания разберем по камушку, на его месте построим цирк... или школу... или просто пусть будет широкая площадь...

Раздался топот. На берег, выбрасывая из-под копыт фонтанчики песка, вылетел приземистый черный конь. В седле его подпрыгивал стражник:

– Господин верховный маг! Еле нашел... Вам письмо, срочное!

И бросил свиток с печатью. Гарольд поймал на лету. Распечатал. Просмотрел. Поскучнел, опустил плечи:

– Ну вот... Опять. Кочевники на севере. Захватили целый город, а там женщины, дети... Хорошо. Ладно. Они у меня попляшут.

И обернулся к всаднику, ожидавшему приказаний:

– Собирай людей. На рассвете выступаем.

Стражник ускакал.

– Вот так, Ленка, – с тоской сказал Гарольд. – Обещал жене сегодня дома ночевать.

Я опустила голову. Топот копыт затих, над рекой протяжно прокричала вечерняя птица.

– Ведьмина Печать – это место? Туда можно попасть?

– Ведьмина Печать – это... Слушай. В нашем мире были времена, когда мертвые не умирали совсем. Они отправлялись в другую страну. Их нельзя было привести назад, но всегда находились умельцы, которые из этого мира попадали в тот и обратно. Могли передать мертвецу весточку от родственников. И наоборот.

– Загробный мир? – я разинула рот.

– Конечно, тот мир был не совсем... человеческий. Но ведь все знали, что рано или поздно туда попадут. Посредники – те, кто ходили туда-сюда – очень ценились. Кроме того, что они передавали вести от родственников, они еще и хорошее местечко могли приготовить. Представь: помираешь и знаешь, что тебя уже ждут...

– Ну ничего себе, – вырвалось у меня.

– Да. Те, кто могли ходить в тот мир и возвращаться, были в основном некроманты. Ты знаешь, кто такие некроманты?

– Обалденно злые маги, специалисты по мертвецам, – я поежилась.

– Вот-вот. А они не из тех, кто особенно церемонится, особенно если чувствуют выгоду. Вот они ходили с того света на этот, и узенькая лазейка между мирами становилась все шире и шире. И живого народу туда попадало все больше и больше. И в какой-то момент все перемешалось. И мертвые существа из того мира ломанулись в этот.

– Бр-р-р... – мне все больше становилось не по себе.

– Тут бы всему и конец, но нашлась одна ведьма – имени ее никто не помнит. Она запечатала проход между тем и этим миром. Много веков между ними вообще не было связи. Мертвые, как ты понимаешь, назад не приходили, рассказать было некому... Я вообще всегда думал, что это сказки. Только когда Оберон в позапрошлом году показал мне эту Печать...

– Оберон? Она у него?

– Она ни у кого. Просто есть люди, которые умеют Печать открывать и закрывать. И Оберон бывал за Печатью, давно. Это больше не царство мертвых... но место очень неприятное.

– М-да, – пробормотала я.

Вечер был теплый, безветренный, напевал сверчками, еле слышно шелестел водой, а я сидела вокруг всего этого мира и спокойствия, и мне представлялось бывшее царство мертвых, захлавленное и запертое, как чулан.

– Как-то, знаешь... – начала я без уверенности. – Есть легенды про героев, которые спускались в загробное царство. Н-но... Это в самом деле были великие герои...

(И все взрослые мужчины, добавила я про себя.)

Гарольд пожал плечами:

– В настоящем загробном царстве, действующем, у нас хоть какая-то была бы подмога: Ланс, например. Мой отец... А так – подмоги не дожидаться.

– Но там есть принцы?

– Да! Оберон рассказывал, там очень много маленьких королевств. Все со всеми воюют. Конечно, там есть принцы.

Понемногу темнело. Небо окончательно вылиняло, из бежевого сделавшись голубым, а потом и синим.

– А почему Оберон сам туда не пойдет?

Гарольд хлопнул по колену хрустящим свитком:

– Да потому что... понимаешь, здесь только с виду все спокойно и хорошо. А на самом деле у Королевства полно врагов. Стоит им узнать, что короля нет на месте – тут такое начнется...

– А если он умрет? Не начнется?

Гарольд виновато опустил голову.

– Ну что ты молчишь?

– Если он умрет, – сказал Гарольд глухо, – король все равно будет на месте. Я.

– Вот как? – спросила я противным голосом ябеды. – Ты что, ровня Оберону?

– Нет, – Гарольд глядел за реку. – Но когда... если... он умрет, я получу по наследству часть его силы.

– Тогда о чем мы вообще беспокоимся? – спросила я после длинной паузы.

Гарольд коротко взглянул на меня. Мне сделалось стыдно.

– Прости.

Он молчал.

– Ну прости, пожалуйста. А ты сам не можешь туда...

– Ну что мы одно и то же по кругу повторяем? – в голосе Гарольда было теперь раздражение. – Я пойду, а там пусть кочевники детишек режут.

– Ты на меня рассчитывал, – сказала я грустно. – Ты меня привел, чтобы я отправилась за Ведьмину Печать.

– Я тебя привел, чтобы ты уговорила Оберона, – возразил Гарольд не очень уверенно.

– Зачем его уговаривать, если ты сам говоришь – он не может идти?

Над рекой зажглась первая тусклая звездочка.

– Если честно, – тихо сказал Гарольд, – я тебя привел просто от отчаяния. Ты единственный человек... единственный здесь маг, кроме меня и Оберона. Мне хотелось с тобой... поговорить, что ли.

– Ну вот и поговорили.

– Поговорили, – Гарольд вздохнул. – Лучше тебе вернуться, конечно. Все равно...

Он замолчал.

– Как он мог дать такое глупое обещание? – вырвалось у меня. – Не мог придумать что-нибудь другое?

– Может, и мог, – голос Гарольда посуровел. – А может, не было ничего другого. Не было выбора, понимаешь?

Звезды загорались одна за другой, словно рассыпали белую крупу. И чем темнее становилось, тем ярче они горели, мерцали, едва заметно меняли цвет.

– Значит, и у нас нет выбора? – спросила я тихо.

Гарольд молчал.

– А время? Время там такое же?

– Оберон говорил, такое же точно. День в день.

– Уже веселее, – я нервно захихикала.

Гарольд взялся за голову:

– Ленка... Эта ведь Печать – такая подлая штука. Если за нее кто-то войдет с нашей стороны – пока он не выйдет обратно или не погибнет, Печать никому не подчиняется. Это значит, что никто никому не придет на помощь. Если вошел – рассчитывай на себя!

Холодный ветер прошелся над речкой, и мне показалось, что звезды на минуту пригасли.

* * *

Мы долго спускались по узкой лестнице – в подвал, в подземелье. Шли в полной темноте – ночным зрением я различала влажные стены, кое-где поросшие плесенью, и гладкие ступеньки под ногами. Время от времени лестница поворачивала под прямым углом. Трижды за весь наш путь за поворотом показывался свет – стражники несли вахту на узких лестничных площадках.

Пять или шесть раз Гарольд останавливал меня, чтобы показать ловушку. Человек, не знающий как следует коридора, обязательно задел бы невидимый волосок, протянутый над полом, или наступил на широкую – шире других – ступеньку, или заставил бы вздрогнуть паутинку в углу. Такого неосторожного ждал каменный мешок, а среди стражи поднялась бы тревога.

– Там внизу что, сокровища? Тайник? Ведьмина Печать?

– Тюрьма.

Я притихла.

Наконец, спустившись глубоко-глубоко, мы оказались в большой комнате под низким потолком. На потолке темнели рисунки и надписи, сделанные копотью свечей: «Люблю Элизу», «Здесь сторожил Василек» и тому подобная ерунда. Вдоль стен горели факелы. Стояло большое кресло (как его только протащили по этому узкому коридору?) и несколько бочек, больших и маленьких.

Кое-где на кольцах, вмурованных в камень, висели обрывки цепей.

– О-о, – сказала я, оглядываясь.

– Побудь здесь, – Гарольд взял один из факелов. – Я скоро вернусь.

И так, с факелом, прошел сквозь каменную стену. Только спустя секунду я поняла, что на самом деле в стене был проход – узкий, замаскированный игрой тусклого света.

Я огляделась еще раз. Мне приходилось много раз бывать в разных неприятных зловещих местах, но это подземелье показалось едва ли не рекордсменом по неприятности и зловещести. Чтобы придать себе мужества (я все-таки не пленник здесь, а королевский маг), я уселась в кресло.

Оно было рассчитано на крупного взрослого человека, мужчину. Я попыталась пристроить руки на подлокотниках – локти задрались, как крылышки жареного цыпленка. Чтобы опереться на спинку, надо было принять неудобную, полулежачую позу. Ноги болтались. Повозившись немного, я сползла на край деревянного сиденья, положила ладони на колени и попыталась повторить про себя правописание суффиксов –онн, –енн.

Вспомнить правило мне не удалось, но я, по крайней мере, восстановила присутствие духа к тому моменту, когда из стены – из узкого прохода, где скрылся Гарольд, – без всякого предупреждения показали двое.

Один был мой друг и учитель.

Другой – здоровенный детина, бородатый и лохматый, как дикарь, и голый до пояса. Коричневые волосы росли у него из ушей, из ноздрей, из подмышек, сплошным слоем покрывали живот и, кажется, спину (я сразу не успела рассмотреть). Руки он держал скрещенными перед грудью, и каждая рука была, как тельце барашка, – такая же большая и шерстистая. На запястьях желтели браслеты. Из бороды, колтунами затопившей все лицо, глядели желтые и

круглые, как у кота, глазищи. Клювом выдавался белый острый нос; ростом волосатый был примерно с Гарольда, но зато в полтора раза шире. Я оцепенела в своем кресле.

– Познакомься, Лена, – сказал Гарольд буднично. – Это Уйма... Бывший племенной вождь и бывший людоед. Уйма, это Лена – маг дороги.

Желтые глазищи окинули меня внимательным взглядом, и я сильно усомнилась в словах Гарольда. С какой стати мой друг решил, что людоед «бывший»? Зачем он вообще привел сюда это чучело? С ума сошел, что ли?

– Лена, – Гарольд коротко вздохнул. – Я не могу отправиться с тобой сам. Но и одну тебя отпускать – глупость и преступление. Вот Уйма. Он один стоит десятка бойцов. И он согласен пойти с тобой за Ведьмину Печать.

О да, подумала я в ужасе. Он согласен, какая радость. Это что же, один из племенных вождей, захваченных Обероном на островах? В тюрьме показал себя как примерный вегетарианец, «перевоспитался», и теперь Гарольд не просто его отпускает – предлагает мне в спутники? Чтобы первым людоедским блюдом после долгого перерыва стала Лена Лапина?!

– Спасибо, – сказала я, откашлявшись. – Но лучше я все-таки одна.

Гарольд нахмурился, не понимая. Поглядел на Уйму, на меня. Я сделала вид, что рассматриваю черные надписи на потолке.

– Уйма, – сказал Гарольд напряженно, – подожди минуточку...

Он взял меня за локоть и вытащил в коридор, нисколько не заботясь о том, что людоед остался без присмотра.

– Ленка, я ему доверяю. И ты можешь ему доверять. Я бы никогда не отправил его с тобой, если бы хоть одно сомнение...

– А почему он у вас в тюрьме сидит?

– Он не сидит. Он добровольно решил разделить участь своих соплеменников, а среди них есть такие, которые глотают людей целиком.

Я поперхнулась.

– А он, стало быть, не глотает?

– Он вообще людей не ест! Давно!

– Откуда ты знаешь?

– Оттуда! Я королевский маг или кто?

– Не знаю, – сказала я, сдерживая злость. – Не знаю, почему, отправляясь в опасное место, мне главную опасность надо брать с собой.

– Он не опасен! Или ты идешь с ним, или вообще никуда не идешь.

– И пусть все остается, как есть?

Бледное лицо Гарольда пошло красными пятнами. Он выпрямился, едва не стукнувшись головой о низкий потолок, и сразу сделался суровым и чужим:

– Ты оскорбляешь меня недоверием, маг дороги?

– Почему недоверием? – пробормотала я примирительно. – Почему оскорбляю?.. Я не хочу с ним идти, Гарольд, он мне не нравится.

Он некоторое время постоял, как статуя на постаменте, а потом выдохнул и поник:

– Полночи позади. Чтобы открыть Ведьмину Печать, нужно часа четыре, не меньше. На рассвете я выступлю на кочевников, и никуда от этого не деться. Долго мы еще будем препираться?

Глава 7

Ведьмина печать

Втроем мы поднялись наверх – Гарольд впереди, за ним Уйма и я в хвосте процессии. Кожаные штаны людоеда были пришиты к его мягким сапогам. Ступал он бесшумно и очень легко – как будто огромная туша была надута воздухом.

Мы миновали первую стражу, затем вторую и третью. Стражники реагировали на Уйму по-разному – некоторые степенно кивали как ни в чем не бывало. Другие выпучивали глаза. А один молодой солдат, видимо новичок, схватился за пику и приготовился к схватке.

Храбрые ребята в Королевстве.

Мы успешно обошли все ловушки (Уйма, похоже, знал их не хуже Гарольда), поднялись наверх и вернулись во дворец по длинной темной галерее (в том, что Уйма видит в темноте, не приходилось сомневаться).

Замок пронизан был потайными ходами. Гарольд затащил нас за какую-то портьеру (людоеду пришлось протискиваться боком). По винтовой лестнице, чуть не наступая на беспечных крыс, мы поднимались так долго, что я окончательно выбилась из сил. Гарольд ругался вполголоса. Уйма плыл, едва касаясь лестницы косяками ступней, парил над крысами, как волосатый дирижабль, и дышал бесшумно. А может, вовсе не дышал.

Наконец Гарольд привел нас в большую комнату, очень похожую на кабинет Оберона, с такой же деревянной мебелью, с такой же доской на треноге, с таким же захлапленным письменным столом. Я поискала взглядом крысу Дору и не нашла.

– Это мой кабинет, – сказал Гарольд. – Мой собственный. Уйма, ты пролезешь вот в такую, – он развел руками, как рыбак из анекдота, – вот в такую дыру?

– Лишь бы пролезет голова, – сказал людоед. Я впервые услышала его голос. Он говорил не на выдохе, как все люди, а на вдохе, и звук получался до того жуткий, что я в отчаянии села на лавку.

– Тогда я навожу Печать, – Гарольд коротко вздохнул. – Эх, времени нет ни на что...

Он быстро развернул доску, протер ее рукавом, как Оберон. Минуту постоял, взвешивая в руке длинный острый мелок. Потом со стуком ткнул в самый центр доски. Полетела меловая крошка.

Гарольд прерывисто вздохнул и повел мелок от центра по спирали. Поначалу мне казалось, что он водит по одному и тому же месту, и только спустя минут десять удалось разглядеть первые результаты его работы – узор, напоминающий годовые кольца на срезе дерева.

– И так надо разрисовать всю доску? – ужаснулась я.

Гарольд тряхнул головой, мол, не мешай.

Уйма бесшумно бродил по кабинету. Брал в руки то одну, то другую вещь. Постоял перед посохом Гарольда, небрежно брошенным в углу; я обнаружила, что держу в руках тяжелый подсвечник. Если бы людоед прикоснулся к посоху – клянусь, одним броском расколотила бы ему голову!

Чувствуя мою решимость – а может, по другой какой-то причине, – Уйма отошел от посоха, не попытавшись дотронуться до него.

Гарольд работал. Мелок полз по доске, не отрываясь. Сыпалась белая пыль. Узор – кривой, несимметричный, какой-то очень знакомый – разрастался на доске, но происходило это так медленно, что я с беспокойством поглядела за окно. Скоро рассвет?

Горели далекие морские огни, горел маяк на каменном мысу, а город утопал в темноте, и легко было представить все таким, как раньше. Когда мы только пришли сюда, когда никакого города не было.

Я поймала на себе взгляд Уймы. Желтый, оценивающий взгляд. Я обернулась – людоед отвел глазищи.

Не к добру.

Я обхватила себя за плечи и вдруг вспомнила, что не ела уже много часов. Что устала топтать по этим лестницам, спина ноет и колени болят, и хочется спать. Да: прикорнуть бы хоть на полчаса, пока Гарольд рисует узоры. Но нельзя, ведь людоед здесь. Может, он только и ждет, когда я отвернусь...

Гарольд замер, не отрывая мела от доски. Закрыв глаза. Он был бледнее, чем раньше, на лбу блестела испарина.

– Лена... Там в шкафу... Твой посох. Возьми.

Я подскочила. И усталость, и сон слетели с меня моментально. Шкаф был здоровенным дубовым сооружением в противоположном углу комнаты, за доской. Косясь на людоеда, я распахнула дверцу; внутри царило безобразие из набросанных как попало книг, бумаг, разноцветных перьев, сушеных ящериц и лягушек, бутылочек и баночек в сургучных шапках, светильников, морских раковин, огарков свечей, песочных часов, и все это было покрыто слоем пыли.

Я чихнула. Удивительное дело: в шкафу был сквозняк. Словно там, за нагромождением волшебных предметов, работал мощный вентилятор. Я чихнула еще раз и увидела в глубине шкафа круглое навершие моего старого посоха – наполовину рубиновое, наполовину изумрудное. Я протянула руку, но посох отодвинулся, не желая даваться хозяйке. Я потянулась сильнее...

И вдруг меня как схватят за запястье!

Я не закричала только потому, что мне пылью забило дыхание. А в следующую секунду я увидела большой желтый скелет: он держал меня, одновременно прикладывая костяшку-палец к выпяченным белым зубам. Велел молчать!

– Что там, Лена? – обеспокоенно спросил Гарольд.

Я молчала, но не исполняя приказ скелета, а потому, что у меня отнялся язык. Я могла только вырываться изо всех сил, но скелет держал крепко.

– Костяк, – невозмутимо проговорил Уйма, неведомо как оказавшийся рядом со мной.

– А, – пробормотал Гарольд. – Это сторож. Уйма, скажи ему, пусть отдаст.

Почти коснувшись меня, людоед подошел к шкафу, просунул внутрь волосатый кулак и заехал скелету в зубы. Послышался хруст, костяные пальцы разжались, я отлетела, споткнулась и грохнулась на пол.

В шкафу что-то гремело и перекатывалось. Ни на что не обращая внимания, Уйма аккуратно закрыл дверцу и протянул мне мой посох.

Я поторопилась встать, хотя колени тряслись и поджилки дрожали. Уйма преспокойно ждал; я выдернула посох из его огромной руки. Сжала его в мокрых ладонях и только тогда – немножко – успокоилась.

– Гарольд! Почему ты не предупредил... Почему не сказал мне, что в шкафу скелет!

– А где же ему быть? – Гарольд устал, это чувствовалось по голосу. – Конечно, в шкафу! Я не подумал, что ты не знаешь, извини...

Я обошла комнату и заглянула Гарольду в лицо. Он работал; пот на его лбу блестел обильнее. Нет, по счастью, это не шутка и не издевательство: мой друг в самом деле считал вполне нормальным, чтобы в шкафу у мага сидел сторож-скелет.

Пошатываясь, я подошла к окну. Глубоко вздохнула. Прижалась лбом к навершию посоха.

– Как же ты пойдешь за Ведьмину Печать? – спросили у меня за спиной.

Я резко обернулась. Волосатый дикарь Уйма глядел желтыми гляделками, бесстрастно и пристально, как кот.

- Ногами, – ответила я сквозь зубы. – А что?
- Ты испугалась обыкновенного дохлого костяка...
- Я не испугалась.
- И ты боишься меня...

- Не боюсь!
- Уйма мигнул:
- А они дают тебе посох. Я бы не дал.
- А тебя никто и не спрашивает.

Уйма не ответил. Задумчиво покачивая головой, пересек комнату и уселся на скамейку. Ну вы видали! Какой-то дикарь станет меня учить. Какой-то людоед будет упрекать меня в трусости. И все из-за Гарольда: возьми, мол, в шкаф...

Я крепче сжала посох. Пусть я не держала его в руках четыре месяца – его дал мне Оберон, и я таких тварей, бывало, побеждала, перед которыми самый волосатый Уйма безобиден, как мышка. Вот так.

Я прицелилась посохом за окно и выпустила в небо изумрудный светящийся луч.

И сразу стало легче. Я ничего не забыла, не разучилась. Я по-прежнему маг, и мой посох при мне, и что мне какие-то людоеды?

Не глядя на Уйму, я распахнула шкаф. Скелет на этот раз затаился. Я мигнула, посмотрела ночным зрением, разглядела очертания гладкой желтой черепушки. Несильно размахнувшись, ткнула наверху посоха. Захрустело, посыпались кости, череп, отвалившись, выкатился из шкафа и юлой завертелся посреди комнаты.

- Что ты делаешь? – простонал Гарольд. – Ты мне мешаешь!
- Был сторож – и нету сторожа, – заметил Уйма. – Приходи, вор. Бери.

Ну на редкость противный дикарь!

– Это ты его развалил, – я попыталась закрыть шкаф. Берцовая кость застряла в двери, мешая ей затвориться. Носком сапога я затолкнула кость поглубже.

Уйма хмыкнул. Гарольд снова остановился, не отнимая мелка от доски:

– Я вас обоих прошу – помолчите. Мне уже немного осталось. Если я сейчас ошибусь – все насмарку, и заново уже не успею.

Не выпуская из рук посоха, я уселась на подоконник. Уйма замер на скамейке – нога на ногу. Круглые желтые глаза разглядывали меня без всякого стеснения.

Я отвернулась.

Что скажет Оберон, когда узнает, что мы с Гарольдом его не послушались?

Это зависит от того, приведу ли я из-за Печати принцев. Победителей не судят... А если не сумею? Оберон, скорее всего, отправит меня домой без права снова увидеть Королевство...

Звезды уже не казались такими яркими. И я снова почувствовала усталость.

Приближался рассвет.

– Все, – сказал Гарольд.

Он стоял перед доской, когда-то черной, а теперь почти полностью белой, разрисованной. Его правая рука висела плетью, пальцы сжимали крохотный огрызок мела, и, казалось, мой друг сейчас грохнется в обморок. Я встала на цыпочки, дотянулась до его головы:

– Оживи!

Пробежали мурашки вдоль позвоночника. Гарольд выпрямился, расправил плечи, и я поняла: получается. Я умею. Я могу. Я еще не то могу. Видел ли Уйма?

В следующую секунду у меня подкосились ноги. Я передала Гарольду большую часть собственных сил, а ведь их и без того осталось не так много.

Людоед наблюдал за мной. Пытаясь скрыть слабость, я присела на край кресла. Посмотрела на доску и впервые поняла, что нарисованные Гарольдом узоры – не что иное, как отпечаток человеческого пальца, увеличенный во много раз.

«Ведьмина Печать». Теперь понятно, каким образом эта самая ведьма запечатала вход в бывшее царство мертвых.

Сейчас бы поспать...

– Лена, – сказал Гарольд. – Твоя задача – привести принцев *сюда*. Где будут жить новобрачные – в Королевстве или за Ведьминой Печатью – решится потом. Главное, запомни, пять принцев. Совершеннолетних. Желательно, как ты понимаешь, благородных, красивых, отважных...

– Ага, сейчас, – пробормотала я, вспомнив ухмылочку Филумены.

– ...Но на самом деле – все равно каких. Лишь бы принцы.

– А как я узнаю, что принц настоящий?

– Узнаешь. Ты маг или не маг? Обещай им красавиц-невест. Обещай какие хочешь призы и награды, – мы не поскупимся на приданое. Лишь бы они согласились.

– Рассвет, – сказал Уйма.

За окном серело. Гарольд нервничал.

– Мне надо идти. И вам надо идти. А я не успел объяснить, рассказать, дать советы...

– И жрать нечего, – сказал Уйма. Меня передернуло. Я крепче сжала посох.

– Там есть леса, – сказал Гарольд. – Там есть овощи, рыба, дичь. Уйма, ты отвечаешь за то, чтобы Лена была накормлена.

– Угу, – сказал людоед.

– На, – Гарольд вытащил из стола и протянул мне круглый кожаный кошелек. – Не знаю, какие там деньги сейчас в ходу, но золото – в любом случае хорошо.

Кошелек был тяжеленный.

– Кто-то идет по лестнице, – сказал Уйма, потирая ухо. – Далеко.

Гарольд перевел дыхание:

– Сейчас я открою Печать, а потом запечатаю своим пальцем. Лена, для того чтобы вернуться обратно...

– Король, – сказал Уйма. – Это шаги короля.

Мы переглянулись.

– Что я делаю, – прошептал Гарольд. – Батюшки-светы, что я творю...

Он вытащил свечку из подсвечника и плеснул на стол расплавленного воска. Получилась маленькая лужица.

– Для того чтобы снова оказаться здесь, – сдавленным голосом продолжал Гарольд, – надо вернуться к тому месту, где вход... на той стороне увидите... И распечатать. Раскрыть Печать вот этим вот ключом.

Морщась, он прижал к горячему воску большой палец.

– Это ключ. Ради всего святого, не потеряйте! Иначе никогда не сможете вернуться, и мы никогда не сможем вам помочь!

– Он идет сюда, – сказал Уйма.

Гарольд отодрал от столешницы лепешечку теплого воска со своим отпечатком. Протянул мне:

– Не потеряй. Пожалуйста.

У меня руки уже были заняты, пришлось сунуть кошелек под мышку, а восковой отпечаток – в карман.

– Что ты скажешь королю? – спросила я с беспокойством.

– Я успею удрать. В шкафу потайной ход. Ну сейчас – или никогда.

И он вдруг сгреб Уйму за кудрявую шерсть на груди, будто за ворот рубашки:

– Ты за нее отвечаешь. Если с ней что-то случится...

– Ничего не случится, – флегматично отозвался людоед.

Гарольд выпустил его. Схватил мою руку с посохом, судорожно сжал:

– Не поздно передумать. Ты девчонка...

– Я воин! – выкрикнула я, хоть мужества моего осталось совсем чуть-чуть. – Я маг дороги!

– Он сейчас будет здесь, – сказал Уйма.

Гарольд вдруг обнял меня. Выпустил. Схватил свой посох, направил на доску с нарисованным отпечатком. Из наверху ударил синий луч, меловые линии задрожали и стали таять. В доске открылась дыра размером с колесо самосвала.

– Я вперед, – сказал Уйма.

Он ловко вскарабкался на край доски (я думала, она рухнет) и полностью скрылся в черной дыре – осталась только волосатая рука, вцепившаяся в подставку для мела.

– Хорошо, – голос Уймы гулко доносился из небытия. – Можно.

– Лена, давай, – Гарольд подал мне руку.

Я тряслась, как отбойный молоток. Мне не хотелось опираться на руку Гарольда – он бы эту дрожь почувствовал. Отвергнув помощь, я сама кое-как взобралась на край доски и оказалась лицом к лицу с совершенной черной пустотой, где даже ночное зрение ничем не могло помочь. Гарольд подал мне мой посох.

– Прыгай, – сказал свистящий голос Уймы. – Я поймаю.

В дверь комнаты постучали. Вежливо, но твердо. Я сидела на краю доски, наполовину на этом свете – а наполовину уже на том.

– Так, Ленка, вылезай, – решительно сказал вдруг Гарольд. – Никуда ты не пойдешь. Прости меня, дурака. Давай руку!

Дверь за его спиной открылась, и появился Оберон. Гарольд не видел короля, зато я встретила с ним взглядом...

И, потеряв равновесие, полетела в черную яму – вслепую, вниз, в объятия к людоеду.

Глава 8

Некромантов есть позорно

Уйма поймал меня, как и было обещано. Руки у людоеда оказались твердыми, будто трамвайные рельсы. Я поспешила высвободиться, встала на трясущиеся ноги и сделала вид, что нисколько не волнуюсь.

Там, откуда я только что свалилась, быстро затягивалась дыра в стене. Словно испарялась радужная клякса.

– Тут они и падали, – просвистел Уйма, втягивая в себя плотный сырой воздух. – Помер – плюх – и здесь.

Я оперлась на посох – для уверенности – и огляделась.

Загробное царство и выглядело соответственно – черная пещера с нависающими сводами. Теперь, когда «вход» закрылся, мы с Уимой оказались в тупике: вверх и вверх тянулась неровная, черная, будто облитая мазутом стена.

– А вот так они поднимались, – Уйма коснулся железной скобы, вбитой в стену. Чуть выше была еще одна скоба. И еще одна.

– Некроманты, – Уйма шевельнул ноздрями, глядевшими из бороды, как бледные ласточки гнезда. – Вишь, лесенку себе прибили, трупоеды, жритраву, – в его голосе было неодобрение.

– Что?

Уйма обратился ко мне желтые глазищи:

– Ключ потеряла?

Я испуганно схватила себя за карман. Отпечаток пальца Гарольда был на месте.

– А деньги?

Кошелек с золотом остался лежать на подставке для мела, и я только теперь об этом вспомнила.

Людоед глядел на меня сверху вниз. Мне не нравилось, как он глядел. Неприятно было, что он сразу же поймал меня на оплошности. Подумаешь, золото забыли!

– Ну пошли, – предложил людоед снисходительно.

Еще и командует! Я взвесила посох в руке:

– Ты что, здесь раньше бывал?

– Нет.

– Так куда мы пойдем?

– Туда, – Уйма показал пальцем. – Что, еще есть куда?

Я повертела головой. Проклятый людоед был прав: из тупика вел только один путь.

Не дожидаясь моего согласия, Уйма повернулся и пошел вперед, по обыкновению легко и бесшумно. Мне пришлось почти бежать, чтобы успеть за его неторопливым шагом; мельком глядя по сторонам, я впервые обрадовалась, что Гарольд навязал мне в спутники людоеда. Окажись я в этом месте одна... Нет, я не струсилась бы ни за что... Но.

Повеяло ветерком. Уйма остановился. Я догнала его, встала рядом, стараясь дышать поспокойнее и потише.

– Тут они шли, – сказал Уйма.

Перед нами был глубокий ров шириной с небольшую улицу. Через ров была перекинута медная труба – во всяком случае, мне подумалось, что это должна быть медь. Никогда в жизни

не видела такого музыкального инструмента – он был похож на распрямленный и вытянутый в струнку саксофон колоссальных размеров.

Слева от трубы ров был неглубокий, можно было разглядеть кучи хлама на каменистом дне. Справа зияла черная пустота. Уйма столкнул туда камушек носком сапога – звука падения мы так и не дождались.

– Тут они шли, – повторил Уйма. – Кто, к примеру, дурак – валится налево. А кто, скажем, трус – направо...

– Трус?

– К примеру, жритраву. А кто хороший – переходит на ту сторону.

– По-твоему, если не дурак и не трус, то уже хороший?

Уйма уставился на меня с непонятым выражением. Я смутилась.

– Ну а мы куда свалимся? – спросила грубым, как после простуды, голосом.

– Мы хорошие, – возразил Уйма. – К тому же мы живые. Зачем нам идти через эту трубу? Там перелаз есть...

Я проследила за его взглядом. Слева, чуть в стороне, ров был завален каменными глыбами, и по их гребням можно было перебраться на ту сторону.

Уйме было просто – он перешагивал с камня на камень. Мне мешал посох, и, если честно, ноги оказались коротковаты. В одном месте я не удержалась и сползла по скользкому камню почти на самое дно.

Людоед, к моему ужасу, не стал тут же вытаскивать меня. Он, наоборот, прыгнул, перелетел через мою голову и приземлился на дне – беззвучно.

Присел. Потрогал черный камень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.